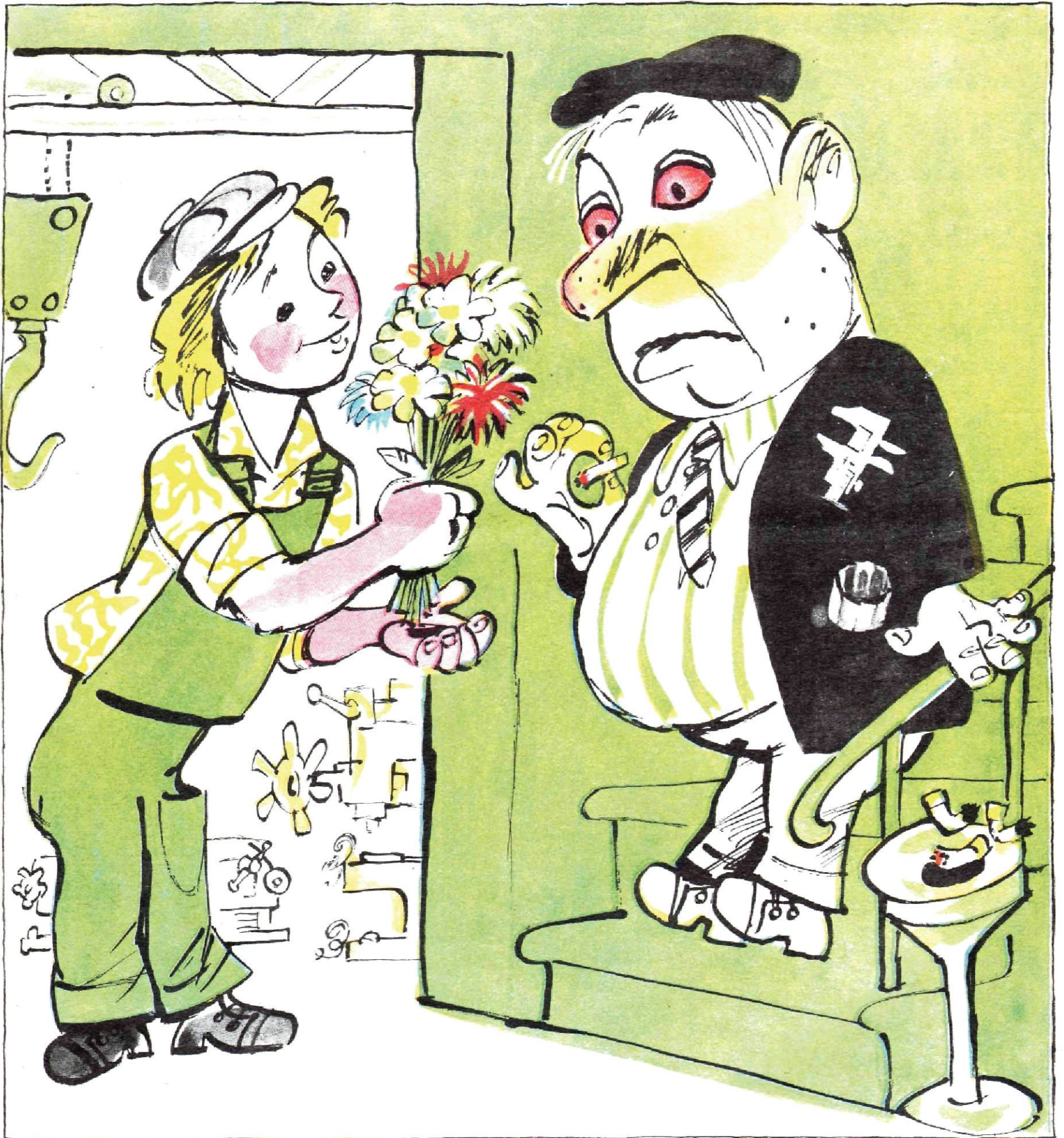

КРОКОДИЛ

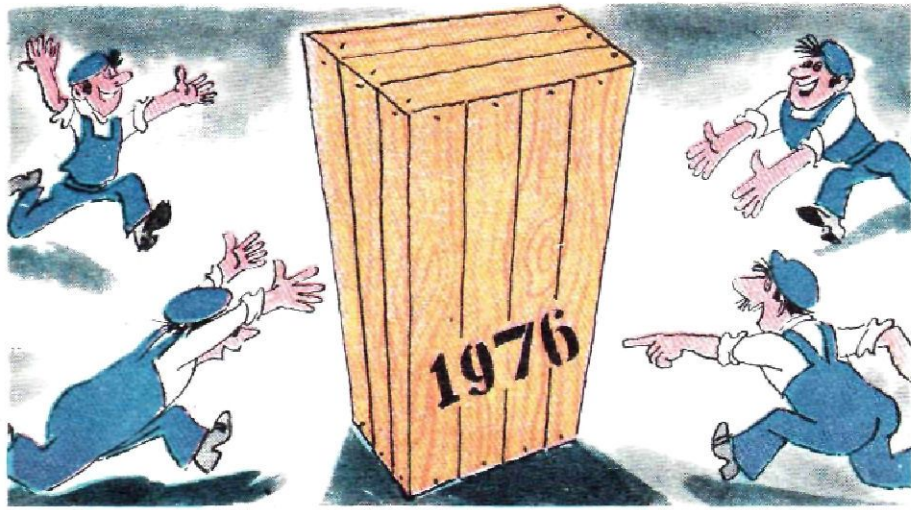

С ПЕРВОЙ ПОЛУЧКИ

—Спасибо за учебу!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

№10 АПРЕЛЬ 1976

— Наконец-то к нам поступили станки последнего выпуска!

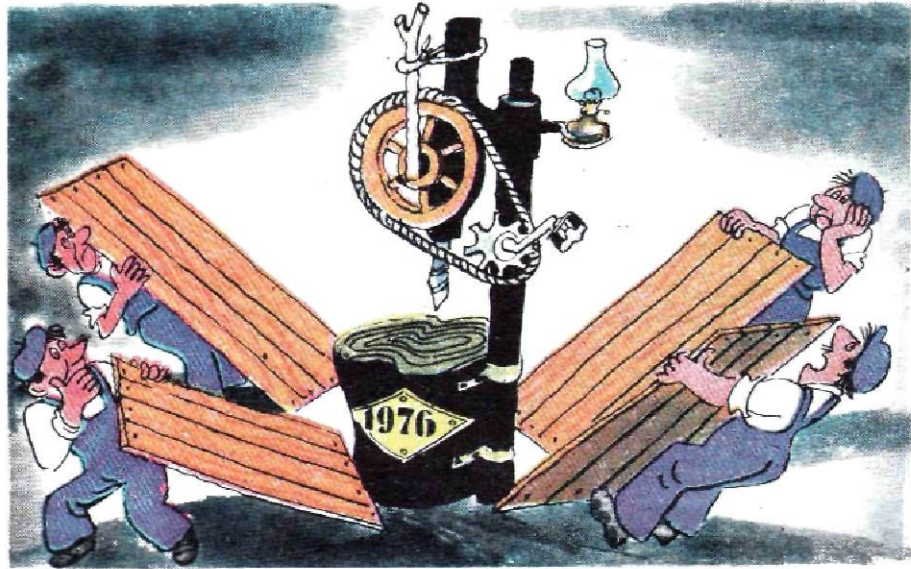

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

«КУДА СПЕШИТЬ?»

В одноименном фельетоне («Крокодил» № 34 за прошлый год) шла речь о том, что в гор. Горьком мало Дворцов бракосочетаний, и, чтобы зарегистрировать брак, молодым приходится занимать очередь чуть ли не с ночи.

Председатель горисполкома гор. Горького тов. В. Ерехинский сообщил редакции, что фанты, изложенные в фельетоне, подтвердились. Фельетон был рассмотрен на заседании горисполкома.

В нынешнем году решено открыть еще один Дом бракосочетаний, кроме того, районным отделом записей актов гражданского состояния рекомендовано проводить торжества бракосочетания в Дворцах и домах культуры города Горького.

Брвахской дирекции розничных торговых предприятий тов. В. Перехрест.

«ПОСЛЕ СВАДЬБЫ»

В одноименном фельетоне Ю. Борина, опубликованном в № 36 «Крокодила» за 1975 год, речь шла о том, что в новом жилом массиве г. Харькова — Салтовке — очень мало детских дошкольных учреждений.

Как сообщил редакции председатель Харьковского исполкома Совета депутатов трудящихся тов. Ю. Гуровой, горисполком принял решение о строительстве в 1976 году девяти детских комбинатов, восемь из них будут функционировать в Салтовке. Для ускорения строительства привлечены средства промышленности предприятий.

«СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ»

Жители села Буда-Брвахская, Корсунь-Шевченковского района, Черкасской области, пожаловались в «Крокодил» на работницу магазина Н. Пшоно: и магазин-то она открывает, когда ей заблагорассудится, и хлеб завозит в него неаккуратно, да еще хочешь не хочешь и каждой буханке хлеба дает в нагрузку 200 граммов залежавшихся конфет («Крокодил» № 35, 1975 г.).

Как сообщил редакции заместитель председателя правления Центросоюза тов. В. Яковенно, Черкасский облпотребсоюз проверил факты, описанные в заметке.

Тов. Н. Пшоно объявлен строгий выговор. Выговор объявлен также директору

«И СКАЗАЛ СУПРУГ СУПРУГЕ...»

Супруги Божко из г. Горловки оназались обладателями бракованного платяного шкафа производства Донецкого мебельного комбината. Об этом шла речь в одноименной заметке («Крокодил» № 24 за прошлый год).

Главный инженер Донецкого областного мебельного производственного объединения тов. Ю. Черенков сообщил редакции, что заметка обсуждена на производственном совещании, в бригаде столяров-сборщиков и на совещании с аппаратом ОТК на Донецком мебельном комбинате.

Супругам Божко бракованный шкаф заменен на новый.

За допущенную волокиту главный инженер Донецкого мебельного комбината И. Я. Максимюк строго предупрежден.

См. стр. 5

«Еще с октября прошлого года в нашем втором корпусе лента кормораздаточного транспортера наполовину пустая, без скребков, и нам приходится носить корм вручную через весь корпус. Я, как старшая доярка, обращалась в правление колхоза, в партком, в объединение «Сельхозтехника», все обещают разобраться и помочь, но забывают. По их, это пустяк, а по нас, пустяков в работе нет, все отражается на качестве работы. Разве я не права?».

(Из письма Т. П. Сологубовой, доярки колхоза имени «40 лет Октября», Динского района, Краснодарского края).

ПУСТЯК ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Правы, Татьяна Павловна. Ох, как правы. Читал я ваше письмо и думал: откуда во многих из нас этокое высокомерное пренебрежение... к частностям, что ли? Привыкли к масштабности, к размаху? Привыкли. И кого удивит нынче, что на пустыре, где еще полгода назад паслась коза Сильва деда Акима, теперь высится эlegantное здание межколхозного консервного завода?

Просторные цеха, современное оборудование — не поскупились, словом, так что отныне не будут кровавой рекой течь томаты и гнить в ящиках сливы, с которыми торгующей сети и рефрижераторному транспорту в пик сезона пока что не управиться. В ароматные консервы переplавит завод живую продукцию — так мыслилось, и были в этом, согласитесь, масштаб и хозяйская дальнорочность. На одно, правда, недоставало ее, дальнорочности — своевременно заготовить необходимое количество жестяных крышек для закатки банок. И вот в самый разгар фруктово-овощного сезона скупают производственные мощности, простаивает оборудование, а запахи гнили таковы, что птицы в вышине, приблизившись к чуду консервной индустрии, резко меняют направление полета.

И еще я вспоминал, читая ваше письмо, Татьяна Павловна, мою недавнюю экскурсию по цеху холодной обработки металла. Царила тут автоматика, а точнее сказать — полуавтоматика, а еще точнее — не царила, а полуцарила, поскольку какое же это царство автоматки, если на пути, какой совершает заготовка, превращаясь в деталь, ее несколько раз вынимают и вручную обмеривают с помощью дополнительного кронциркуля? Оказывается, предусмотрели все, а вот о таком «пустяке», как измерительная автоматика, забыли. Обернулось это десятками часов простоя уникальной техники.

В одном областном центре все было готово для перевода городского транспорта на бескондукторное обслуживание, однако еще в течение полугодия билеты в автобусах продавались по старинке. Около двухсот женщин выполняли работу, которую наша возросшая сознательность давно переложила на железные плечи автоматов. Кстати, и эти самые автоматы были уже установлены в салонах, но бездействовали, бережно укрытые дерматиновыми чехлами. А все потому, что в автобусном парке не было машины для сортировки и подсчета металлических денег. Вручную же подсчитай их, попробуй!

Вряд ли стоит еще называть примеры: кто из нас не припомнит случая, когда из-за сущего, казалось бы, пустяка срывается важное дело? Мал, да удал — это о нем, о пустяке, который, словно бомба замедленного действия, лежит и лежит себе незаметно, а потом бах! — и все вверх тормашками. Впрочем, когда кончается взрывом и на лбу вскакивают шишки, мы спохватываемся, дабы не нажать новых; когда же пустяк подтачивает дело исподволь, мы склонны привыкать к нему, замороженные размахом и грандиозностью этого самого подтачиваемого пустяком дела.

Равверонис

Пишут читатели

Герр Ольшер: «А ЗАЧЕМ СУДИТЬ НАЦИСТОВ?»

В редакцию «ВСИТ» поступило письмо из Вены. Наш читатель Франц Кругль пишет, что он по собственной инициативе взял интервью у первого, то бишь генерального, прокурора Австрии г-на Ольшера.

Ниже следует текст интервью.

— Герр прокурор, недавно вышел сухим из судейской воды нацистский преступник Гогль. Во время войны он истязал узников концлагерей, однако суд отпустил его на все четыре стороны. Что вы можете сказать по этому поводу?

— А собственно говоря, кому какая польза от судебных процессов по делам нацистов?

— Но, простите, герр Ольшер, палачи, на совести которых столь страшные преступления, должны рано или поздно понести свою ответственность!

— Разве после истекших десятилетий такой человек социально и политически не интегрировался с нашей действительностью?

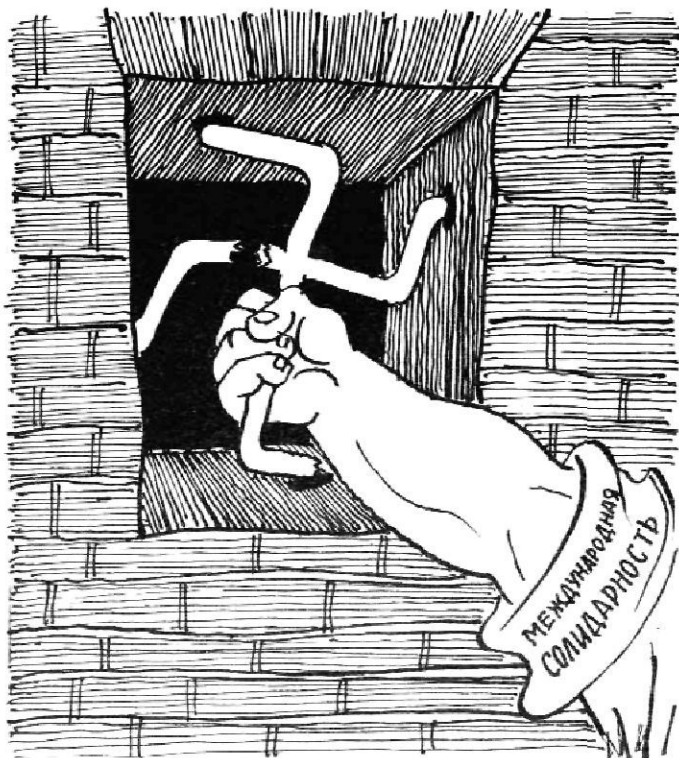
— А по-моему, герр прокурор, нам следует поскорее, как бы это сказать, разинтегрироваться, или, проще говоря, расстаться с

военными преступниками, разгуливающими по нашим улицам. Эту задачу необходимо интегрировать с тюремной камерой.

— Я считаю, что нет смысла и необходимости вырывать кого-нибудь из нашей общественной структуры.

ОТ РЕДАКЦИИ «ВСИТ»

К сожалению, наш венский читатель Франц Кругль не указал своего обратного адреса, и мы лишены возможности проверить, действительно ли он брал интервью у генерального прокурора Австрии г-на Ольшера. Однако ознакомление с австрийской прессой показало, что заявление Ольшера о нежелательности дальнейших судов над нацистами, увы, имело место.

СВОБОДУ КОРВАЛАНУ!

Плакат Ю. ЧЕРЕПАНОВА

СПОРТ —

Источник энергии

— Спортсмены — энергичные люди, — сказал директор парижского центра международной торговли Роже Капгра. — Но не пора ли начать эффективно использовать их энергию, особенно в условиях энергетического кризиса?

Мсье Капгра предложил проводить знаменитую велогонку «Тур де Франс» не на шоссе, а в спортивных залах крупных городов, причем... на месте. Велосипеды надо закрепить, чтобы гонщики, нажимая на педали, приводили в движение небольшие генераторы. Победителем будет назван тот, кто выработает больше электрического тона для освещения улиц.

ПЛАКАЛИ НЕДАРОМ

Почившая недавно Фиорина О'Ши из города Пало-Альто в Калифорнии оставила завещание, в котором указано, что из ее пятидесятилетнего наследства каждый присутствующий на похоронах получит по пять долларов, а те, кто проронит слезу, — по 50.

Чемоданы больного общества

Перед тем как пройти на посадку в воздушный лайнер, миссис Бэббит, тихая, законопослушная американка, решила пропустить стаканчик невинной «кока-колы». Она приставила чемодан к коридорной стенке и направилась к буфету. Испила, вернулась, а чемоданчика-то и нет. Украсили? Миссис Бэббит сначала тоже так подумала. С криком «Караул! Обокрали!» она засеменила по обширному залу аэропорта. И вдруг в одном закоулочке видит свою ненаглядную багажную емкость. А рядом — полицейскую собаку, усаженную обнюхивающую чемоданные бока.

— Боже! — воскликнула голубая идеалистка миссис Бэббит. — Какая у нас все-таки замечательная полиция! Не

успел человек крикнуть «караул!», а они уже нашли пропажу!

— Стоять! — прорычал полицейский инспектор и приложил ухо к чемоданной крышке. — Сознавайтесь, бомба есть?

Трепещущая миссис распахнула чемодан и продемонстрировала ворох швейных изделий — от интимных до верхних. Из чемоданной утробы пахло духами, но бомбой там и не пахло.

Однако далеко не всегда тревога оказывается ложной. После взрывов в нью-йоркском аэропорту Ла Гардиа в стране приняты чрезвычайные меры предосторожности. Наибольший страх полиции внушает чемодан без хозяина. Оставленный на минуту без присмотра багаж немедленно хватается, обнюхивается, прослушивается. Закрыты камеры хранения в аэропортах Вашингтона, Чикаго, Сан-Франциско, Миннеаполиса. Под подозрение взяты один

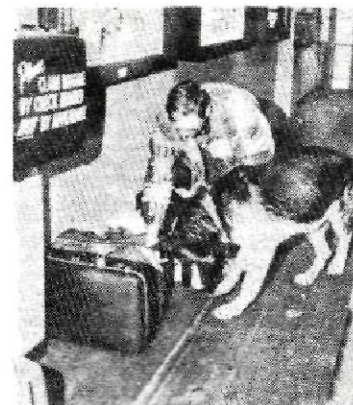
миллион сто тысяч пассажиров, ежедневно переступающих порог 425 американских аэропортов.

Увы, для подобной нервозности есть основания. По сведениям американского журнала «Тайм», в 1972 году в аэропортах США у пассажиров было конфисковано 1313 единиц огнестрельного оружия, в основном пистолетов. В прошлом году эта цифра подпрыгнула до 5200. Вдобавок к сему злоецидний набор ножей, кастетов и дубинок был найден как на самих пассажирах, так и в их багаже. Бурный прогресс наблюдается в области самодельных взрывных устройств. В 1972 году в аэропортах было найдено 13 бомб и «адских машин», в 1975 году — 156 штук!

Какое кипение черных страстей скрывается за этими цифрами. Какая жажда крови, наживы!

Гангстеры, психопаты, террористы, а с другой стороны, те, кто их боится и готовится дорого продать свою жизнь...

Если в крови человека резко возрастает количество белых кровяных шариков, значит, человек болен. Если в чемоданах граждан появляется много оружия, значит, тяжело болеет общество.

Репортаж

На кирпичном фронте

В этот день атмосфера трудового энтузиазма царила во дворе лондонской галереи Тейт. Искусствоведы и реставраторы, смотрители залов и кассирша — все вышли на разгрузку кирпичей, прибывших из Америки.

Улыбки на разгоряченных лицах, бодрые шутки, сноровистое мелькание рук, передающих кирпичи...

Сторож Том Бардль появился на разгрузке последним (он спал в своей намерке под лестницей) и потому простодушно удивился:

— Нинан галерею на ремонт закроют?

Общий дружный смех. — При чем тут ремонт, мистер Бардль? Мы разгружаем экспонаты нового искусства, купленные в Америке. Это будет жемчужина нашей экспозиции.

— Кирпичная жемчужина? Первый раз слышу... — ворчит Бардль, включаясь, однако, в трудовой процесс. Искусствовед Снодграсс, стоя в изувле грузовина, откуда он передает кирпичи, величественно разъясняет профану:

— Куб, сложенный из этих ста двадцати кирпичей, представляет собой шедевр американского современного искусства стоимостью двенадцать тысяч долларов.

— Ай! — вскрикивает ста-

рушка Скрудж, смотрительница зала абстрактного искусства. Она уронила кирпич себе на ногу.

— Сломали? — Бледность залихват мужественное лицо мистера Снодграсса. Он не на шутку опечален.

— Это покажет рентген, — отвечает миссис Скрудж, танцуя на одной ноге.

— Меня интересует не ваша нога, а экспонат! Не забывайте, миссис Скрудж, что каждый кирпич стоит 100 долларов!

Сопровождаемая гневными взглядами, миссис Скрудж покидает двор. Кирпич, к счастью, цел. Все облегченно переводят дух...

Отуманенное лондонское солнце печально взирало из мира небесного на мир искусства...

«Надоело венчать, хочу венчаться!..»

Падре Джузепе Моциони поднялся на амвон, но вместо привычного «Отче наш» радостно зашел во все горло: «Пою тебе, о Гименей, бог новобрачных!» Засим преподобный сорвал с себя сутану и на глазах потрясенных прихожан стал пая-

гивать черные жениховские штаны.

— Еще один, — пророчали в Ватикане, узнав об очередном дезертире с церковного фронта.

Кардинал Гароне подвел кое-какие итоги: «14 000 священников покинули церковь за семь лет, главным

образом ради вступления в брак».

Не чудо человеческое и монахам. За последний год сбегали на волю семь тысяч обитателей итальянских монастырей. Очевидно, и монашескому сердцу хочется ласковой песни, а также хорошей, большой любви...

В мире науки

Во время пребывания консерваторов у власти мистер Реджинальд Модлинг, в ту пору министр внутренних дел, брал взятки у видного архитектора Поулсона, за

Подвели гены

что давал архитектору крупные строительные заказы. Тогда папа угодил в газету — в колонки скандальной хроники. Теперь в тех же колонках появилось имя

Эдварда Модлинга — сына Реджинальда. Он попался на куда менее крупной афере: просто крал вино в магазине, где служил заместителем директора...

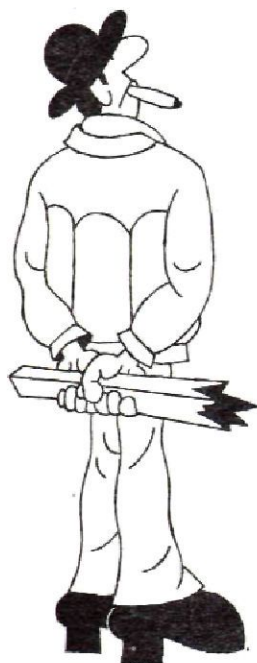
Так генетическая теория наследственности получила новое блестящее подтверждение.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Т. ШАБАШОВА

БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

Небывалый размах безработицы в Англии не оставляет равнодушным ни один слой тамошнего населения. Во-первых, потому, что, как поется в арии, «сегодня ты, а завтра я!», а во-вторых, потому, что на пунктах трудоустройства (как теперь свежо именуют биржу труда) творится — не побоюсь этого слова — черт знает что. Бьют сотрудников. Чем ни попадя. Синяки и кровоподтеки сплошь и рядом окрашивают трудовые будни этих учреждений. От посетителей в прямом смысле слова нет отбоя.

Вот что сообщает по этому поводу на страницах журнала «Уикэнд» специалист по безработице Барри Бранфорд в статье «Какова жизнь на биржах труда?»:

«Служащие пунктов трудоустройства жалуются, что их оскорбляют, на них нападают люди, часами ожидающие приема. По мере того как очереди растут, случаи рукоприкладства учащаются».

«Служащие жалуются!» Пожалуйтесь, когда на тебя набрасываются с кулаками. И ладно бы еще с кулаками.

«Один из посетителей набросился на служащего Мидлендского отделения и нанес ему тяжелую травму металлической пепельницей. Клерку наложили пятнадцать швов на голову, и он был рад, что вообще не стал инвалидом».

Впрочем, клерку крупно повезло. Потому что, как далее говорится в статье:

«А сколько раз другие служащие оказывались под угрозой ножи стула, тяжелой сумки, сапога на платформе и даже зажженных сигарет!»

Что касается ножки стула и вообще мебели, то тут вышли из положения довольно легко:

«На многих биржах труда мебель крепко привинчена к полу, и служащие защищены от посетителей толстыми, непробиваемыми стеклами».

Итак, мебель обезвредили. Мебель привинчена, и служащий застеклен. Но ведь бывает, что ему надо выйти из укрытия и встретить посетителя с открытым забралом. И вот тут приходится бросить укор моде. Изящные ридикюли, какие носили наши бабушки, не смогли бы причинить столь серьезного увечья, как увесистые хозяйственные сумки, которые теперь взяли на вооружение британские дамы. Пущенная с размаху, эта машина способна с ходу отправить вас на инвалидность. Особенно если ее металлический замок попадет не в бровь, а в глаз.

Серьезного выговора заслуживают и дизайнеры

обуви. Не введи они в обиход сапоги на платформе, служащим пунктов трудоустройства не грозила бы поминутно смертельная опасность. Легкая туфелька, даже если ею шарахнуть изо всех сил, в лучшем случае способна выбить зуб, ну два. Каблук-шпилька — выколоть глаз, не больше. Обувь же на платформе, если она летит точно в голову, враз обеспечит летальный исход. Не говоря уж о моральной стороне: кому приятно погибнуть от чужого сапога!

Отрадно, что администрация позаботилась о своих сотрудниках. В статье мы читаем:

«Служащие попросили — и получили! — дополнительно к основному окладу 100 фунтов в год, так называемую плату за страх, чтобы уж знать, что не даром им приходится встречать опасность на переднем крае».

Что и говорить, на таком горячем участке должен стоять человек с выдающимися физическими данными, презирающий опасность, с мгновенной реакцией. Хлюпику там не место. Он там не протянет и двух дней. Клерк должен уметь ловко увернуться от удара, а в случае необходимости дать сдачи.

Налицо и забота о безработном человеке. Делается все возможное, чтобы он не унывал:

«Мрачные, старые биржи труда в наши дни уступают место весело разукрашенным пунктам трудоустройства, где перелистывают папки с бумагами элегантные сотрудники и модно одетые сотрудницы».

Итак, пункт весело разукрашен, безработному приятно туда заглянуть. Очевидно, поэтому там тысячные очереди. И с каждым днем желающих полюбоваться на пункт становится все больше.

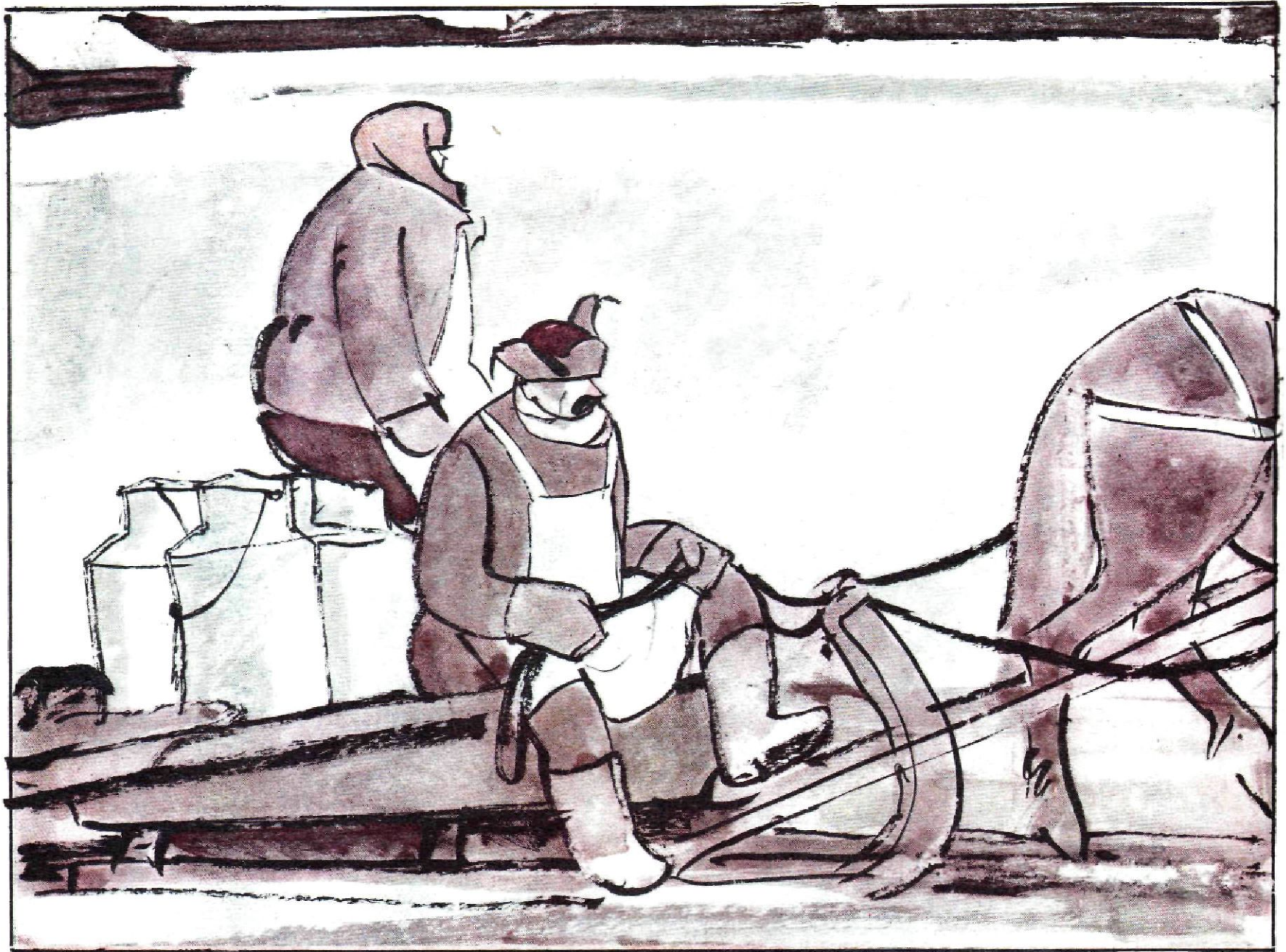
«Министр финансов вынужден признать, что к рождеству 1975 года работу потеряли 1 500 000 человек, а в 1976-м к ним, возможно, прибавится еще 500 000».

Конечно, можно было бы найти выход — дать людям хлеб и работу! И тогда все эти столпотворения, рукоприкладства и членовредительства на пунктах трудоустройства утихомирились бы сами собой. Но чего при капитализме нет, того нет.

И, вынося в заголовок своей статьи вопрос «Какова жизнь на биржах труда?», автор Барри Бранфорд явно сам понимает, что вопрос этот горький и задавать его — все равно, что спрашивать у больного о здоровье. Он заключает:

«Они модернизировали внешний облик биржи труда, но суть дела, проблемы остались прежними».

— Накладные на молоко повезли грузовиком...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

ИЗ ЗАЛА-
СЮДА!

Е. ЦУГУЛИЕВА, специальный корреспондент Крокодила

Подсолнухи с того света

Ни одной живой души больше не было в этот будничнейший день на сельском погосте. Лишь одинокая фигура маячила то там, то сям. Какой-то мужчина вглядывался в памятники и что-то записывал в блокнот.

Тетушка Ханифа подошла и незнакомцу:

— Не будет позором спросить, с какой целью ты, незнакомый человек, записываешь наших дорогих усопших в свою книжечку, чтоб она сгорела? И не будет ли им вреда?

— Какой может быть вред, сестрица! — вскричал незнакомец. — Просто был дружен с человеком, который лежит вот здесь, и пришел пролить слезу над его могилкой, а заодно записать его теперешний адрес.

Тетушка прекрасно знала, что «человек, который лежит вот здесь», был младенец Ратик. С воплем «фадис!» (нараул!) она помчалась в селение. А незнакомец, не дожидаясь, пона на него нападут с дреколем, улепетнул с кладбища...

Зачем и кому может понадобиться «теперешний адрес» и фамилия младенца Ратина, а также других обитателей сельского погоста, мы со временем узнаем. А пона заглянем в Ардонскую контору «Межрайзаготснот». Посмотрим, как заготовитель Георгий Гучмазов получает от начальства очередное задание.

— Бери деньги, грузовики и езжай на заготовку. Сам понимаешь, ну-пишь дешевле — разница тебе.

— Не в первый раз, — глядя в рот начальству, отвечает Гучмазов. — Все будет сделано на высшем уровне!

И Гучмазов отбыл в те места, где на холмах лежала ночная мгла и шумела рена Арагва. Тихо было на чайных плантациях Индского совхоза, что в Абхазии: наработавшиеся за день люди разошлись по домам. Но Гучмазову люди были не нужны.

— Кось-кось-нос! — призывал он сивого мерина, который пасся вблизи плантации. — Иди сюда, чтоб тебя парша покрыла...

Простодушный мерин в конце концов поддался уговорам. Да и не он один! Целый табун согнал с пастбища на дорогу Гучмазов, погрузил на снотовозы и «с ветерком» доставил в свой Заготснот, отрекомендовав лошадей как «крупных у населения».

— Молодец, — сказала начальство. — У него купил?

— А вот квитанции. Все фамилии указаны. Ратик Карацев. Омар Хайям. Гражданин Сулико... Ну, и другие. На высшем уровне.

— То-то же, — пронизательно сказала начальство. — У меня чтобы без махинаций... Иди получай премию.

Так с помощью давно усопших граждан заготовитель, ни клытый, ни мятый, заработал лично две тысячи рублей! А вообще он же, действуя по этой системе, за короткий срок нажил около восьми тысяч...

Коллега Гучмазова — Степан Бенаури из Орджоникидзевского горноопторга, лошадей не уважал. Он больше уважал заведующего складом совхоза «Мирный», что в Ставропольском крае. В результате этой дружбы из склада утекло почти пятнадцать тонн пшеницы. Доля же Бенаури от реали-

зации краденого зерна составила три тысячи рублей.

— Я купил зерно у частных земледельцев, — убеждал Бенаури. — Пожалуйста, смотрите, вот квитанции, а в них фамилии продавцов.

Бенаури скромно умолчал о том, что фамилии «частных земледельцев» позаимствованы им из загробного мира. При помощи обитателей «того света» махачкалинцев Ицханович блестяще провернул несколько весьма выгодных ему лично операций с фрунтами. Владимиру Ивановичу Ли «мертвые души» помогли укрепить свое благосостояние, продав ему в порядке заготовок большое количество краденого лука, а Русланбен Бузуртанов разбогател на купле-продаже самых обыкновенных подметальных веников. Купил у какого-то поручика Кижэ пятнадцать тысяч веников по полтиннику за штуку, а в отчете поназал по рублю пятнадцати копеек. Разницу, натурально, положил себе в карман.

Автору этих строк довелось как-то побеседовать с одним из «инициативных и смекалистых» заготовителей, уже прочно застрявшим в объятиях ОБХСС. Фамилию свою он просил не разглашать. Пусть так. Не все ли равно, кто исповедовался: Сидоров, Ицханович или Ахмедов.

Вопрос был самый тривиальный: как дошли вы до жизни такой? Муки голода? Долг чести? Многочисленное, гибнущее от нищеты семейство?

— До этого, конечно, не доходит, — приняв шутку, сказал Ахмедов-Сидо-

ров. — Но как быть, ежели я, заготовитель потребсоюза, работаю без твердого оклада? Командировочных и квартирных не выдают, хотя наша работа проходит в разъездах. Ты, говорят, получаешь под отчет большие суммы да еще имеешь в своем распоряжении транспорт. Вот и выкручивайся.

— А что это значит на практике: «выкручивайся»?

— Ну... — замаялся Сидоров-Ицханович, — в общем, пускай деньги в оборот так, чтобы они принесли тебе «навар». Вот мы и выкручиваемся. А за пределами своей области или республики мы свободны, как птички! Никакого контроля.

Диная, однако, получается ситуация! За весь 1974 год потребкооперация, Снотопром и консервное объединение Северной Осетии не закупили по твердым ценам в колхозах и совхозах ни одного пшеничного зернышка, ни росинки растительного масла, ни одного подсолнечного семечка. Зато было приобретено «у населения по договорным ценам» 15 139 тонн пшеницы, 2007 тонн подсолнуха и 474 тонны подсолнечного масла. Спрашивается, где взяли все это «частные земледельцы»?

Ежегодно ОБХСС Северной Осетии привлекает и ответственности за нарушение законов примерно полсотни заготовителей. Но, как видно, усилий одной только этой организации мало. И не сделать ли так: установить правило, чтобы в квитанции вносились подлинные имена и адреса лиц, продающих продукты.

...Вот такие дела. А если бы мы, не подготовив читателя, бухнули ему, что в заготовках лука, например, участвовал Иван Сусанин, а венники заготовителю продала Софи Лорен, — он бы не поверил. Он бы сердито сказал:

— Ерунда какая-то!

Северо-Осетинская АССР

— Да посмотрите же сюда! Что будет с вашим авторитетом?

Но эскулап ничего не хотел слышать. Он закончил свою работу во рту супруги мэра, с обычной любезностью проводил ее до двери, вежливо раскланялся и... едва успел поддержать даму, которой сделалось дурно. От острого приступа зубной боли? Как бы не так! Навстречу им по лестнице поднимался доктор Поликарпо Робивеккьи в купальных трусиках.

Доктор проводил супругу мэра обратно в кабинет, уложил ее на кушетку, поручил заботам синьоры Розы и обратился к непрошеному гостю:

— Кто вы такой? Откуда взялись? Что вам угодно?

— Я доктор Поликарпо Робивеккьи, зубной врач.

— И я тоже! — донесся еще один голос с лестницы.

— И я! И я! — раздался голоса с улицы. Перед домом выстроился целый взвод докторов Робивеккьи.

— Очень приятно, — сказал настоящий доктор, — но мне будет еще приятнее, если кто-нибудь объяснит мне, что означает эта чехарда.

— Никакой чехарды, почтенный коллега. — Коллега?

— Разумеется. Разве вы не зубной врач? Как и мы? Потому что мы — это вы, уважаемый доктор. И, пожалуй, лучше перейти на «ты»: мы — это ты. Мы твои отражения, сошедшие со всех зеркал, в которых ты отражался в твоём доме, в домах друзей, в гостиницах, в кафе, в вокзальных залах ожидания.

И как бы в подтверждение последних слов в комнату вошел доктор Поликарпо в дорожной одежде, в шляпе, с зонтиком, с черной папкой под мышкой и с высунутым языком.

— Почему ты высунул язык?

— Я из зеркала на вокзале Ночера Умбра.

— И тебе необходимо высунуть язык, чтобы посмотреться в зеркало?

— Разве я виноват, что вы так делаете?

— Совершенно верно, — хором подтвердили многочисленные доктора. — Ты всегда кривляешься и гримасничаешь перед зеркалами, когда уверен, что никто тебя не видит. Зеркалам это надоело, и они решили проучить тебя.

— Понятно. И что же вы от меня хотите? — Для начала, — ответил доктор, стоя-

ся и пошел в ванную, перешагивая через свои отражения. Открыв кран, он по привычке взглянул в висящее над раковиной зеркало и высунул язык, чтобы рассмотреть его. Тотчас же из зеркала прыгнуло его отражение и присоединилось к остальной компании, как раз вовремя — чтобы выпить чашечку кофе.

«Зеркала объявили мне войну, — с горечью подумал доктор. — Придется защищаться».

Он вытер лицо и руки, размышляя над тем, как быть. Наконец, ему показалось, что выход найден. Он улыбнулся и скорчил гримасу зеркалу. Тут же новое отражение соскочило на пол, попрыгивая, чтобы размять ноги.

«Иди, иди, коллега, — усмехнулся про себя доктор Поликарпо. — Ты будешь последним из этой шайки».

Доктор объявил своим отражениям, что ему нужно уйти на четверть часа. Он вышел из дома, запер на ключ входную дверь и побежал на вокзал, не обращая внимания на горожан, которые с любопытством оглядывались на него, спрашивая себя, не бежит ли он добровольно в сумасшедший дом. Доктор сел на первый же поезд, отправлявшийся в Неаполь, и по прибытии помчался прямо домой к своему приятелю.

— Не спрашивай меня ни о чем, — сказал он. — У тебя есть темная комната без зеркал и сможешь ли ты предоставить ее мне на пару-тройку дней?

— Есть у меня такая комната, — ответил приятель, — и ты можешь жить в ней столько, сколько хочешь. Но что у тебя случилось? Может быть, я смогу помочь тебе?

— Извини, позднее я все тебе расскажу. Доктор Робивеккьи заперся в комнате и облегченно вздохнул:

— Уверен, что по дороге сюда я не отразился ни в одном зеркале, и теперь зеркала не знают, где я спрятался. И если только моя идея сработает...

Сработала. Отражения, собравшиеся в его доме, через несколько часов почувствовали озноб.

— В чем дело? Наверно, здесь сквозняки. Нужно закрыть окна.

Окна они закрыли, но озноб даже усилился. Некоторые из почтенных докторов почувствовали себя совсем плохо.

— Мне нездоровится!

— Это видно: ты становишься все тоньше и тоньше прямо на глазах.

Н

икогда не кривляйтесь перед зеркалом: оно может отмстить. Задумайтесь над тем, какой поучительный случай произошел однажды с доктором Поликарпо Робивеккьи, известным дантистом из города Кастельбакко.

Однажды в девять часов утра доктора Поликарпо увидели входящим в кафе «Италия». «Ну и что же здесь такого? — скажете вы. — Если зубной врач входит в кафе «Италия» и заказывает себе чашечку кофе, в этом нет ничего удивительного». Совершенно верно. Но наш доктор Поликарпо был одет в пижаму, а когда подошел к кассирше, показал ей язык. Вот почему кассирша упала в обморок, бармен побледнел, а хозяин кафе позвонил в больницу: — Алло! Пришлите скорую помощь. Наш зубной врач сошел с ума.

Посетители посмелее подошли к виртуозу бормашины, попытались образумить его, но он всем молча показывал язык. А скорая помощь так никогда и не доехала до кафе «Италия», потому что на полдороге была вынуждена остановиться перед толпой горожан, запрудивших улицу.

— Посторонитесь, посторонитесь, мы едем помочь доктору Робивеккьи!

— Да вот он, ваш доктор Робивеккьи!

Посреди толпы бравый Поликарпо в брюках и в майке, с болтающимися подтяжками, яростно чистил зубы зубной щеткой, а время от времени останавливался, показывая язык или, приставив большой палец к кончику носа, делал «козу».

— Бедняжка, — сказали санитары. — Он действительно сошел с ума.

Но только они собрались посадить доктора в машину, как из табачной лавки с криком выскочил ее хозяин:

— Помогите! Он сошел с ума!

— Кто?

◆ ДОКТОР И ЗЕРКАЛА ◆

— Наш бедный зубной врач. Он в лавке: стоит в одних кальсонах и ковыряет в носу.

— Как так? Вот он чистит зубы посреди улицы, только не в кальсонах, а в брюках и в майке.

В течение последующих десяти минут были обнаружены еще двадцать четыре экземпляра доктора Поликарпо: в цветастом халате, с махровым полотенцем через плечо и т. д. Один из них брился, другой вытаскивал ресничку из глаза, но все они так кривлялись и гримасничали, что в городе Кастельбакко все пошло кувырком, как в дни больших праздников.

Такой поднялся шум, что даже служанка доктора, синьора Роза, взглянула из окошка, чтобы узнать у соседней, в чем дело.

— Ах, ваш бедный хозяин!

— Мой хозяин?

— Да-да, взгляните на него.

— В чем дело? — воскликнула синьора Роза. — Мой хозяин находится в своем зубо-врачебном кабинете и сейчас извлекает коренной зуб у супруги мэра.

— А эти кто же тогда, по-вашему?

Синьора Роза побежала скорее к хозяйину.

— Синьор доктор, выйдите на минутку, тут прямо какое-то суетопределение!

— Не мешайте, Роза, вы же видите, что я занят!

ший босиком, — поскольку время идет к обеду, мы хотели бы поесть.

— В моем доме?

— А почему бы нет? Это ведь и наш дом. Не поесть ли нам спагетти с устрицами?

— Превосходно, — ответили хором доктора, число которых уже перевалило за тридцать.

Натуральный доктор в изнеможении рухнул на диван, забыв о том, что на нем лежала супруга мэра. Синьора взвизгнула, вскочила на ноги и с воплями бросилась к выходу, как будто у нее на ходу рвали зуб без заморозки.

— Роза! — позвал доктор.

— Слушаю, хозяин, — ответила старая служанка, дрожа от страха.

— Спагетти с устрицами для всех...

Правда, не нашлось достаточно большого стола, но это не повлияло на хорошее настроение докторов: некоторые из них уселись прямо на полу, другие разместились в спальне, трое или четверо вышли на балкон, и все покушали с большим аппетитом.

— Не желаете ли кофе?

— Кофе! Кофе!

— А может быть, по рюмочке?

— По рюмочке! По рюмочке!

Но вот законный доктор захотел умыть-

— Да и ты, мой дорогой, весь уже светишься.

— Что происходит?

— Похоже, бравый Поликарпо всех нас обхитрил. Где он? Есть ли какие известия от него? Нет ли новых отражений?

Нет, новички больше не появлялись. И тогда одно за другим отражения, лишённые своего оригинала, стали быстро угасать, уменьшаться, исчезать. Вот скрылось одно, вскоре второе... К вечеру их осталось двенадцать. За ночь исчезли еще девять... А наутро в воздухе бесследно растворились три последних. Синьора Роза обошла все комнаты, внимательно посмотрела в шкафах и под кроватями, но никого больше не обнаружила.

Доктор позвонил только через два дня.

— Кто-нибудь еще остался?

— Никого, синьор хозяин.

— Хорошо, тогда я возвращаюсь. Только немедленно прикрой чем-нибудь все зеркала. Придется мне некоторое время бриться на ощупь.

А в принципе, есть ли уж такая необходимость в зеркалах? Чтобы узнать, красивы ли и симпатичны мы, достаточно закрыть глаза и спросить свое сердце и ум.

мадонна

ГДЕ-ТО НА ЗАПАДЕ
 — Сами видите, женщинам мы гарантируем полную свободу.
 С. НАСЫРОВА (г. Казань)

Анатолий ТАРАСКИН
Сберкасса
под батареей

Я, старый бухгалтер на пенсии, украл ребенка. Петькой зовут, а фамилия — Круглов. Украл, чтоб прилунуть его родителей. Конечно, я читал рассказ О. Генри «Вождь краснокожих», но то, что у меня вышло, никакому О. Генри и не снилось.

Сговорился я с Николаем, подсобным рабочим из соседнего гастронома, что он придет в обеденный перерыв и как будто Петьку Круглова украдет. А я Николая гирькой по голове стукну и Петьку как будто бы спасу.

Сговорились, как полагается. За бутылку. Николай просил прибавить, но я решил не баловать.

Через день Николай принес гирьку. Полкилограмма. На веревочке.

— Ежели бы, — говорит, — за две бутылки, я бы килограммовую захватил. А за бутылку и этой обойдешься. Да, смотри, бей точно по голове, а то еще по бутылке шарашнешь, знаю я вас, бухгалтеров-очкариков.

— Не волнуйся, — отвечаю, — если разобью — с меня пол-литра.

Спрятал я гирьку в рукав и встал возле ворот. А Николай вбегает во двор, хватает Петю и тащит на улицу:

— Пойдем, мальчик, я тебя на машине покатаю!

А Петя, хоть ему всего пять лет, малец смысленный.

— Сколько, — спрашивает, — лошадиных сил?

Тут Николай начал суетиться.

— Я тебя, — кричит, — не на лошадах, я тебя на машине зову кататься! Вот дети пошли: их прокатить приглашают, а они не хотят.

Тогда я вышел из подворотни и стукнул Николая гирькой по голове. Два раза. Второй раз за безграмотность.

Смотрю, Николай начинает заваливаться на левую сторону, потому что на правой у него моя бутылка запрятана. Значит, в сознании.

А Петя, довольный, головкой машет:

— Правильно ты, деда Саша, его огрел. А то он шофер, а в моторах не разбирается.

— Не шофер он, Петя, а бандит. Он хотел тебя украсть, а потом у мамы за тебя что-нибудь попросить. А я тебя спас. Понял?

— Понял. А теперь мы его украдем, и его мама нам что-нибудь даст.

— Хорошо, — говорю. — Пусть он пока здесь полежит, мы его потом украдем.

— А давай, деда Саша, мы к тебе пойдем. Лучше ты меня украдешь, и моя мама тебе за меня что-нибудь даст. Нет, не ошибся я в этом малыше! Так соображает!

Повел я его к себе, дал счета старые — целкай на здоровье. Потом накормил, в постель уложил.

— Хочешь, — спрашиваю, — у меня на денек остаться?

— А насовсем можно?

— Как насовсем?

— У тебя, — говорит, — весело, все трогать можно, ты всегда дома. Я тебе, деда Саша, по секрету скажу, я своего папу уже с чужими дядьками начинаю путать. Я его целыми днями не вижу. Укради меня, дедуля, навсегда, пожалуйста.

Погладил я его по затылку.

— Ладно. Как себя вести будешь. Рассказал я мальчику сказку о Дюймовочке, он ее ни разу не слышал, дождался, пока он заснул, и пошел на улицу.

Смотрю, Кругловы бегут. Я к ним.

— У вас ничего не пропадало? Мамаша себя сразу за пульс схватила:

— Ой, часы! А отец дальше ее тянет.

— Ты же их в сумочку вместе с билетами кинула, а теперь ойкаешь.

Дальше побежали молодые родители. А я за свое:

— Петька-то ваш где? Стоят, друг на друга смотрят, словно что вспоминают.

Наконец, отец спрашивает:

— Чего ты молчишь? Скажи, где Петька?

— Я думала, ты его на пятнадцатую наконец устроил, как обещал.

— А я думал, что твоя мама приезжала и забрала его к себе.

— Может, действительно забрала. Завтра позвоним и узнаем.

Убежали мои голубчики в кино, а я пришел домой и написал им письмо.

Левой рукой и печатными буквами:

«ЕСЛИ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ ВАШ СЫН БЫЛ ЖИВ И ЗДОРОВ И ВОБЩЕ В ПОРЯДКЕ, ПОЛОЖИТЕ ПОД БАТАРЕЮ НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ В ПЕРВОМ ПОДЪЕЗДЕ ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ. ВАШ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ».

Сунул я эту записку под дверь Кругловым. Теперь они хватятся и будут заниматься своим сыном. А то, что поволнуются немного, это даже полезно.

Ночью никаких волнений со стороны Кругловых не наблюдалось. Утром встретил мамашу у ворот.

— У вас все в порядке?

— Спасибо, — отвечает. — Хорошо. — И сама руку с часами показывает.

Опять я Петю накормил, поиграл с ним в жмурки, на бульвар вывел.

А как нам домой идти, смотрю, мой Петр Андрюшку Глотова из сороковой квартиры ведет.

— Деда Саша, у тебя твоя гирька с собой?

— А что такое?

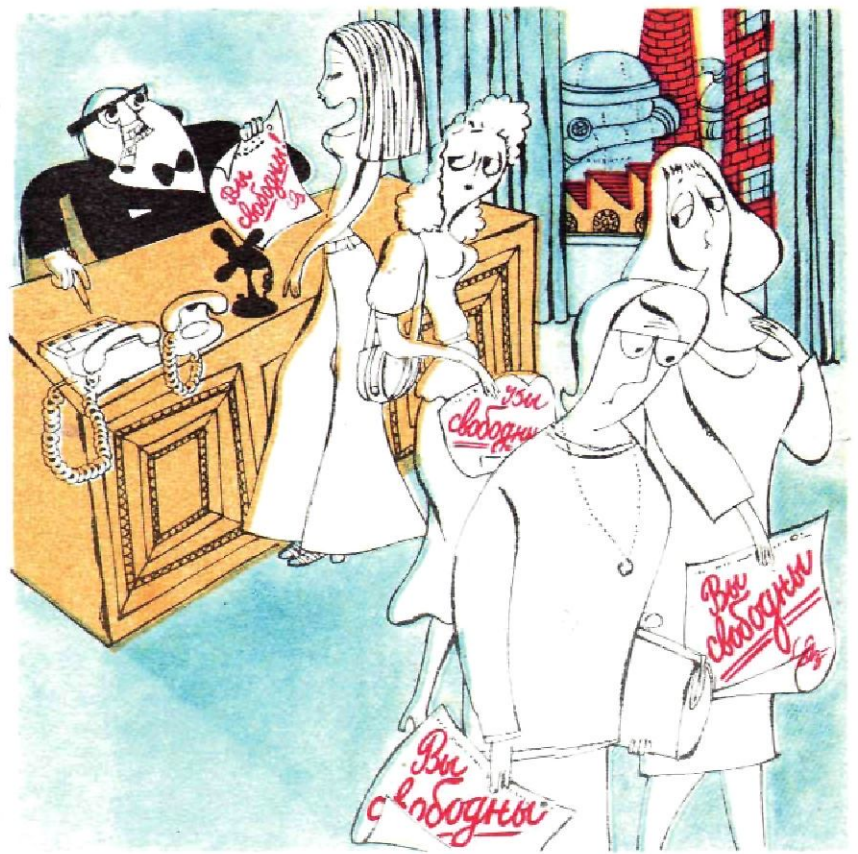
— Давай того дядьку, который в моторах не разбирается, еще раз по голове стукнем и Андрея спасем. Пусть он у тебя вместе со мной поживет, а то он про Дюймовочку никогда не слышал.

Чувствую, что этого малыша тоже надо спастись. Черкнул я и Андрейкиным родителям про пятьдесят рублей под батареей. Жду. Как вы думаете, чего я дождался? Ни за что не догадаетесь! Через месяц у меня уже шестеро детей обитало. А родители моих похищенных мимо меня шастают как ни в чем не бывало то в кино, то в гости.

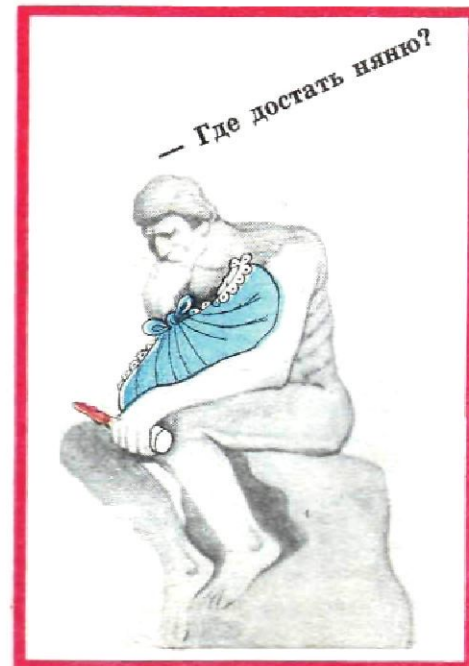
Я их детей кормлю, я сказки рассказываю, я в разные детские игры играю. Жду, когда у родителей совесть проснется.

А родителям хоть бы что. Только однажды Петин отец подошел:

— Дядя Саша, ты почему деньги из-под батареи не берешь? Родители волнуются. Если радио, ты скажи, мы по пятерке надбавим.

А. АЛЕШИЧЕВ

К. РЕДЖЕПОВ (г. Мары, Туркменской ССР)

Генри БЮТТНЕР (ГДР)

...ижу я. Работаю. Вдруг приземляется
...е меня Неумытов, говорит:
- Слышал? Агин от нечего делать
...струировал себе портативную элек-
...но-вычислительную машинку. На-
...обие пишущей, только без клавишей
...а транзисторах. ЭСА-1 называется.
...ктронная Сваха Агина. Закодировал
...всех холостяков обоого пола, и те-
...ь у нас сплошные свадьбы. На той
...еле Колышкин женился на Леночке
...а сегодня...
...спрашиваю:
- А чего он меня не закодировал?
...еумытов удивился:
- Как не закодировал? Наверно, он
...знал, что ты холостяк. Это дело мы
...ом поправим...
...говарю:
- Да нет, я пошутил. Сострил вроде.
...надо мне этого. Я и в холостяцком
...оении нормально себя чувствую.
...еумытов от этих слов разволновал-
...даже закричал на меня:
- А ты не женись! Он же не застав-
...тебя жениться! Просто интересно
...т, кто из наших дам больше всего
...соответствует...
...говорил он меня. Приходим к Аги-
...Неумытов спрашивает:
- Ты его закодировал?
...гин отвечает:
- Нет.
- Как же так?! — прямо-таки пора-
...ся Неумытов. — Наш человек. Холо-
...к. Может обидеться.
...гин говорит:
- Зачем обижаться? Пусть лучше эту
...анкету заполнит. Мне раз плюнуть. Я
...хочешь могу закодировать...
...вернулся я к себе и стал от нечего
...ать заполнять анкету. Сначала шли
...вычные вопросы: имя, отчество, фа-
...ия. Знание иностранных языков. На-
...е ученых степеней. Потом пошли
...мные: цвет волос, глаз. Какие жен-
...ы мне нравятся: полные или тощие,
...е или добрые, умные или глупые.
...ю ли я готовить и если «да», то
... В автобусе уступаю место я всем
...щинам или только молодым и кра-
...ым...
...просов пятьдесят было в анкете.
...а все честно ответил.
...рез два дня Агин сообщил мне:
- Софья Поликарповна Корович-Ко-
...ина — ваша судьба.
- Это которая же Корович? — спра-
...аю.
- Та, что у окна сидит. В отделе
...ного механика. С лошадиной мор-

Гр. МИХАЙЛОВ

Я говорю:
— А на кой она мне с лошадиной мордой?
Агин отвечает:
— Это не у нее лошадиная морда. Это на сумочке ее вышито. А сама она очень даже ничего...
Агин удалился, а я не могу спокойно работать. Выкурил сигаретку. Покой не возвращается. Тогда я решил взглянуть на эту Корович. Только взглянуть!
Прихожу. Смотрю. Действительно, ничего. Рыженькая. Глаза голубые. Сама в теле...
Тут откуда ни возьмись Неумытов. Спрашивает:
— Ты что тут делаешь?
Я растерялся, смутился, отвечаю:
— Дышу...
— Давай, — говорит, — дышать вместе. И подталкивает меня к столу этой Корович. Я сопротивляюсь, но не так, чтобы очень.
— Софья Поликарповна, — произносит Неумытов, — к вам товарищ по весьма срочному делу.
Она посмотрела на меня, улыбнулась, сказала:
— Слушаю вас...
Я еще больше растерялся, покраснел, пролепетал:
— Меня зовут Боря.
— А меня Соня. Ну и что?
— Ничего, — говорю, — красивое имя... Тетю мою тоже так звали.

Все это я говорю, чувствую, что не то говорю, а остановиться не могу.
Тут Неумытов вмешивается:
— Вы тут так покалякайте, а я пойду. У меня дела.
Он ушел, а я замолчал. Я молчу. Она молчит. Скучно со мной женщинам. Поэтому в холостяках задержался. Наконец я нашелся, говорю:
— Очень приятно было с вами познакомиться... Пока...
Тут она меня останавливает, спрашивает:
— Вы вечером сегодня что делаете?
— Как раз ничего, — отвечаю.
— Так, может, в кино сходим? Заграничный фильм идет. «Зануда» называется...
После фильма мы с ней прогулялись... Оказалось, у нас много общего. Общие знакомые. У меня общий с соседями телефон и у нее. У меня общие места общего пользования и у нее. А когда у людей так много общего, они быстро сходятся. Через полгода мы расписались. Обменяли две комнаты в разных районах на две вместе. Сонечка вырезала из «Огонька» фотографию электронно-вычислительной машины и повесила ее в спальне.
А вчера подходит ко мне Агин и говорит:
— Ошибка получилась. Машина была плохо отлажена. Не тот я резистор впалял. Вы должны жениться на Леночке Зиц, а Колышкин...
У меня сердце остановилось, комок к горлу подступил. Я закричал:
— Чихать я хотел на все ваши резисторы! Я свою ошибку никому не уступлю!..
Прихожу домой в возбужденном состоянии и все Сонечке рассказываю.
Она смеется, говорит:
— Успокойся, милый. Никто меня у тебя не отнимет. Тем более, что это была шутка. Нет у Агина никакой машины.
— Как нет? — не понимаю я. — А анкета?
— Анкету я составила. Вижу, ходит по учреждению симпатичный холостячок. Дай, думаю, его осчастливорю!..
Теперь я даже не знаю, кто же меня все-таки осчастливил: машина или Сонечка?

Октем ЭМИНОВ

Сватовство

Развешаются халаты.
Гордый вид. Горячий взгляд.
Пыль столбом. Подходят сваты
К дому тетушки Хаджат.
Возле дома — аксакалы
И старушки в два ряда.
Начинался как-то вяло
Разговор: «Да ну?» «Ну да...»
Нет, не очень-то умело
Речь заводит старший сват.
(Это конченое дело,
Если сват не дипломат!)
Но жених-то не бездельник!
И представила Хаджат
Много-много пачек денег,
К ним — халатов пятьдесят!
И сказала, приготовясь
Дать свое согласие: «Ах,
Людам ношей стала совесть,
Это видит сам алах!
Мы же лишнего не просим.
Незаконного рубля
Нам не надо...
К цифре «восемь»
Припишите три нуля!
Или меньшего достойна
Наша дочь Огульгерек?»
Старший сват сказал спокойно
(Вот наивный человек!):
«Я вчера прочел в печати,
Что бесчестно брать калым!»
(Ну зачем же так некстати?
Эх ты, старший сват Селим!)
Разлетелся на кусочки
Намечавшийся союз:
«Рано замуж нашей дочке!
Пусть сперва поступит в вуз...»
Новь калитка вдруг запела,
Как сладчайшая из струн,
И к Хаджат подсел смело
Толстая Огулдурсун:
«Наш сынок для дочки вашей
Чем, скажите, не жених?
Да к тому же полной чашей
Сразу будет дом у них.
Мы на крупные затраты
Ради этого пойдем!
Наилучшие халаты
Сверх калыма отдаем.
Знаем, сколько в Ашхабаде
Нужно будет покупать:
Шелк, ковры, платки, кровати,
Ванну, чтоб внучат купать...»
Вот уж в мелкие детали
Сваты бойкие ушли,
Все подбили, подсчитали,
Оценили, утрясли.
Свадьба — дело не простое,
Щедро названа цена!..
Но ответьте, сколько стоит
Радость девичья одна,
Гордость девичья одна,
Горесть девичья одна?
Вы согласие не спросили
У самой Огульгерек.
Договор такой не в силе, —
На дворе двадцатый век!

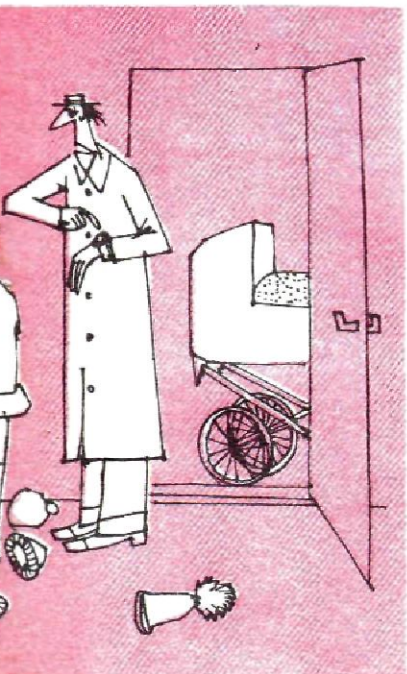
Перевел с туркменского
Олег ДМИТРИЕВ.

Предназначение женщины

Сценка из будущего

— Две рубашки, форменная пилотка, брюки... Да не рыдай ты так, господин, у меня сердце разрывается, но что же делать, ведь когда мы поженились, тебе было известно, кто я и где работаю, так что нечего теперь клясть свою злую долю и поминать маму... Да, я тебя люблю... Лучше поди на кухню и отдай ниберу тарелки — пусть помоет. И, кроме того, ты всегда забываешь сдать белье в прачечную... Так. Кажется, все. Зубная щетка, паста... Назначение, предназначение. И нечего нивать на доисторические времена. Разве кто-нибудь виноват (и я в том числе), что мы более приспособлены к космическим перелетам — живем дольше, болеем реже, нервная система у нас устойчивее, логика вариативнее, здравого смысла больше, одним словом... Не возражай... Да, у тебя остаются дети. Вырастишь их, а тут и я прилечу. В конце концов это твое предназначение — ждать. И это подтверждает история. И чему же вы еще способны? Кстати, эта оборка на фартуке тебе не идет... Ну что ж. Пора. Поцелуемся.
Потом женщина подхватила чемодан и решительно зашагала к остановке космобусов.
Мужчина что-то пролепетал ей вслед и, закрыв лицо передником, скрылся в дверях.
г. Симферополь.

Е. ЗВЕРЕВА

Чтоги

Вот и завершился конкурс «Мадонна». Из большого числа рассказов, стихов и рисунков, поступивших в «Крокодил», жюри, после долгих дебатов, дружно отобрало, как и требовалось, самые достойные и распределило долгожданные призы.

«ЗОЛОТОЙ КРОКОДИЛ» присужден
Леониду ЛЕНЧУ (г. Москва) за рассказ «Наш мальчик плачет», № 7, 1976 г.

Марии ЧУБАШЕК (ПНР) за рассказ «Идиот», № 31, 1975 г.

«СЕРЕБРЯНЫЙ КРОКОДИЛ» присужден

Льву ОШАНИНУ (г. Москва) за стихотворение «Яблоко», № 36, 1975 г.

Октему ЭМИНОВУ (г. Чарджоу) за стихотворение «Сватовство», № 10, 1976 г.

Льву САМОЙЛОВУ и Марку ВАЙСБОРДУ (г. Москва) за рисунок и тему «О Мадонна, и этого младенца увели!», № 7, 1976 г.

Софии НАСЫРОВОЙ (г. Казань) за рисунок «Где-то на Западе», № 10, 1976 г.

«БРОНЗОВЫЙ КРОКОДИЛ» присужден

Андрашу МЕСАРОШУ (ВНР) за рисунок «Без слов», № 7, 1976 г.

Хаскию ЧЕЛОБАНОВУ (НРБ) за рассказ «На рыбалку с секретаршей», № 36, 1975 г.

БАПЕ (ЧССР) за рисунок «Без слов», № 7, 1976 г.

Анатолию ЕЛИСЕЕВУ и Владимиру ТИЛЬМАНУ (г. Москва) за рисунок и тему «Рыцарь на час», № 31, 1975 г.

А. ШАХГЕЛДЯНУ (г. Баку) за тему к рисунку «Ты нас сотворил, господи, ты и расплачивайся!», № 36, 1975 г.

Ганчо РАЕВУ (НРБ) за рисунок «Петрова, мой сын будет учиться у вас. Если вы будете им недовольны, я могу перевести вас в другую школу», № 7, 1976 г.

Юрий БОРИН,
специальный
корреспондент
Крокодила

САМОГОННЫЙ ДЕТЕКТИВ

— Ну, я пошел,— сказал заведующий отделом писем газеты «Слава шахтера» Виктор Нестеренко и нетвердым шагом двинулся навстречу неизвестности.

Неизвестность подстерегала Виктора в доме номер один по улице Крулской, где, по нашим данным, гнали самогон.

Был вечер. Точнее, был уже тот безалкогольный час, когда в магазинах продавали только недоступный коньяк или малозффективное вино. Ни то, ни другое нас не интересовало, мы ждали первача, добытого горячей перегонкой из доброкачественного сахарного песка. До первача было рукой подать, стоило лишь переступить порог квартиры, но в этом как раз и заключалась самая большая трудность.

По нашим сведениям, самогонщик не продавал свое зелье каждому встречному, стало быть, следовало подослать к нему кого-либо из соседей. Вот за этим и пошел Виктор Нестеренко, захватив порошковую бутылку из-под лимонада и полтора рубля. Он шел, пошатываясь и бубня что-то про себя, а мы с Николаем Алексеевко, сотрудником той же газеты, следили за ним из укрытия. Вербовка агента шла негладко.

Единственный мужчина, сидевший во дворе на скамейке, охотно вступил в контакт с Нестеренко, даже указал пальцем на дверь: дескать, иди туда, там есть. Однако сам идти категорически отказался. Нестеренко потоптался возле него, икнул, спрятал в карман бутылку и, судя по всему, принял решение действовать самостоятельно. Мы насторожились.

Виктор, несомненно, обладал артистическими наклонностями: за исполнение роли пьяного его вполне могли бы взять в любой театр. Все тем же неверным шагом он подошел к подъезду и скрылся в нем. Мы затаили дыхание.

Спустя минуту Нестеренко вышел из подъезда несколько быстрее обычного. Нарушив конспирацию, он напрямик направился к нам.

— Шуганули,— сказал он коротко.— Что будем делать?

— Надо нажать на мужика,— предложил я.

— Не пойдет он,— сказал Виктор,— я его прощупал. Заячья душа. Говорит, непьющий.

— Может, мобилизовать пацанов? — Николай кивнул в сторону кучки подростков, явно заинтересовавшихся нашими манипуляциями.

— Пацан,— позвал Виктор, голосом вздрызг пьяного,— п-поди сюда. Сядь... Понял?

Вероятно, это было антипедагогично — посылать подростка за спиртным. Но нами двигала святая цель: застукать самогонщика на месте преступления, а затем предать его всенародному осмеянию. Ради этой цели мы сознательно пошли на некоторые педагогические вольности.

Увы, воспитание юношей оказалось безукоризненным. Они стойко отразили наши атаки, заявив, что если мы хотим выпить, так нечего действовать через посредников.

— Идите вон в ту квартиру и просите,— сказал один из подростков.

Обстановка осложнялась. Нелегальные способы проникновения в жилище самогонщика провалились. Приходилось легализоваться.

— Николай, идите звонить в милицию,— сказал я,— а мы с Виктором будем следить за квартирой.

Надо отдать должное оперативности милиции: дежурный лейтенант на мотоцикле прибыл незамедлительно.

Мы представились и объяснили, что в первой квартире этого дома гонят самогон. Требуется нарыть нарушителя с поличным.

— Вот в этой квартире? — переспросил лейтенант.

— Ну да!

— И вы это точно знаете?

— Имеются показания свидетелей.

— Ничем помочь не могу.

— Почему же? Ведь вы милиция!

— Дело в том, что здесь живет наш работник.

— ???

— Да. Здесь живет сержант милиции Виктор Асламов. Стучаться к нему я могу только с разрешения начальства.

Самогонщик-милиционер! Это уже уникальный факт. История приобретала скандальный характер. Милиционеры, которые занимаются самогонованием, нам до сих пор видеть не приходилось. Интерес к жильцу квартиры номер один возрос на несколько порядков. Мы стали наседать на лейтенанта, требовать, просить, умолять. Но тот был непреклонен: он может нарушить территориальную неприкосновенность данного жилища только с санкции высокого начальства.

Что ж, возможно, он был прав. Я остался продолжать переговоры с дежурным, а Виктор с Николаем побежали звонить начальнику Гукковского городского отдела внутренних дел.

Теперь, рассчитывали мы, встревоженный начальник прибудет сюда сам. Шутка ли, милиционер-самогонщик, бросающий тень на всю гукковскую милицию!

Полковник милиции Новиков действительно был встревожен. Более того, он был разгневан. Полковник гневался по поводу того, что корреспондент «Крокодила» не доложил ему заранее об указанном «ЧП».

— В таком случае я вам помогать не буду,— заявил полковник.— Действуйте на свой страх.

Служебная амбиция возобладала. Мотоцикл, пыхнув нам в лицо выхлопными газами, скрылся за поворотом. Ситуация стала критической. Мы собрали военный совет.

— Может, отложим? — сказал Николай.— Завтра вы пойдете к полковнику, доложите по всей форме, а он даст указание...

— А самогонщик тем временем спрячет аппарат и заготовленную брагу, да? — насмешливо произнес Виктор.— Я предлагаю идти.

— Куда? — спросили мы дуэтом.

— В квартиру. Мол, здравствуйте, мы из редакции. Это нам до сих пор в голову не приходило.

— А если он скажет: знать не знаю?

— А может, у вас есть другая идея?

Другой идеи у нас не было. Мы решили брать быка за рога и ковать железо, пока оно горячо.

Нам открыли дверь, но в квартиру не пустили. Тогда мы вызвали хозяина квартиры на улицу и взяли у него интервью.

Вот краткая запись этой беседы.

— Скажите, вы гоните самогон?

Это правда, что о вас говорят?

— И да и нет.

— Что это значит?

— Я гоню только для себя.

— А вот во дворе говорят, что вы продаете по три рубля литр...

— Такая цена везде.

— Дорогой товарищ Асламов, — взрывается Виктор, — мы вас обвиняем не в том, что вы завышаете цену, это уже, как вы понимаете, дело...

Нестеренко читает самогонщику небольшую лекцию на антиалкогольную тему, после чего следуют новые вопросы и ответы.

— А где находится аппарат?

— Не здесь.

— Но у вас из квартиры идет довольно явственный запах браги.

— А это заготовка...

Интервью окончено. Мы благодарим Асламова за почти откровенную и содержательную беседу. Он тоже говорит нам «спасибо». Вероятно, за полезные сведения о вреде алкоголя и об ответственности за самогонование. (См. ст. 158 Уголовного кодекса РСФСР.)

На следующий день я покидаю Гукково, зеленый шахтерский городок. Я покидаю его в тот ранний час, когда зеленый змей еще спит под охраной работников прилавка.

И лишь легкий пахучий дымок курится над домом самогонщика...

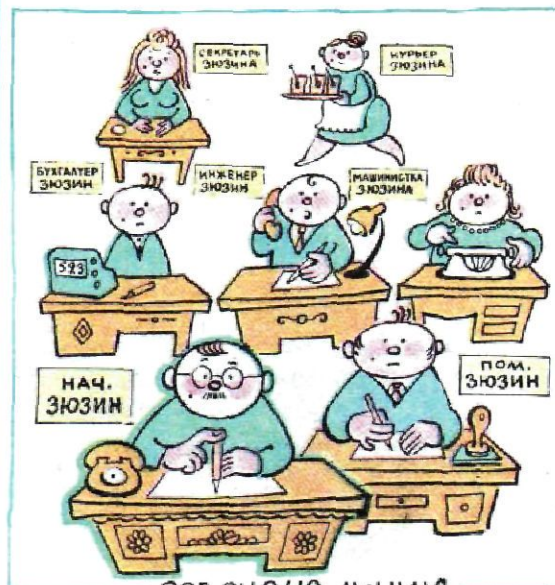
г. Гукovo, Ростовской области.

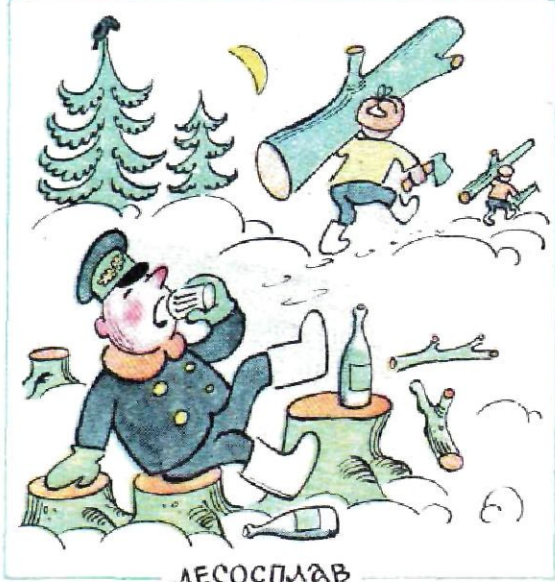
Этого веселого, всегда неистощимо изобретательного, щедрого на лукавую выдумку, забавную фантазию, остроумную «находку» художника больше нет в семье крокодилцев. Более четверти века Юрий Николаевич Федоров — а говоря по-своему, по-редакционному, просто

РИСУНКИ

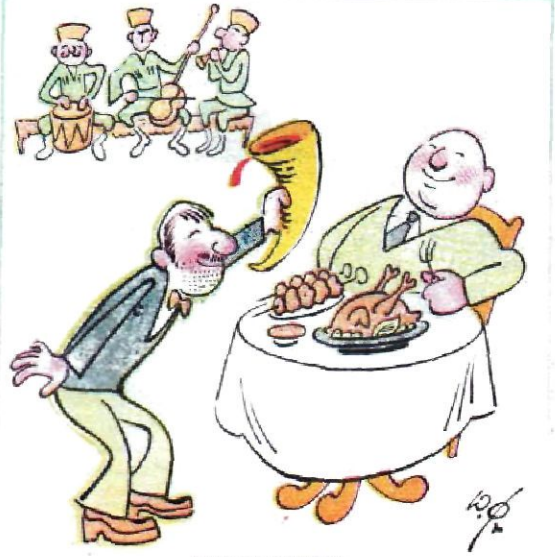
Почему мы так говорим?

РОДОУЧАЛЬНИК

ЛЕСОСПЛАВ

РОГОНОСЕЦ

См. стр. 12

Юра Федоров — рисовал для «Крокодила», вкладывая в любимое дело весь свой добрый талант.

Элегантная, исполненная гротесковой условности, стиливого изящества, строгого лаконизма манера отличала рисунки Ю. Федорова от «почерка» других художников — крокодил-

цев; и в то же время его рисунки превосходно «вписывались» в журнал, ибо в них всегда было то, что называется высоким искусством.

Это был редкостный талант, один из немногих, которые способны даже серьезную сатирическую тему выразить смешно, задорно,

иронично, высечь из нее искру подлинного комизма, осветить ее оптимистической улыбкой. Что уж говорить о сюжетах чисто юмористических — тут художник был в родной стихии.

С первых номеров журнала «Веселые картинки» Ю. Н. Федоров — его активный автор, многие годы он

был членом редколлегии этого журнала. Рисунки Юрия Федорова публиковались на страницах «Правды», «Известий», других центральных газет и журналов; его иллюстрации к десяткам книг всегда отличались глубоко творческим и своеобразным осмыслением текста.

Публикуя несколько последних работ Юрия Федорова, мы уверены, что они напомнят читателю многие другие его рисунки, представшие в журнале, и мы верим также, что его самолюбное, искрящееся остроумием художественное наследие будет жить, не старея, еще многие годы.

ЮРИЯ ФЕДОРОВА

Из старых газет

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Любопытный случай произошел здесь с госпожой Кашашкиной. Возвращаясь с обеда, она попросила извозчика Дылдина подвести ее к дому господина Фэготова. На ее просьбу Дылдин ответил, что-де едет в парк, но и трем вокзалам подбросить может. «Российский мыслитель».

САМАРА. Местные старожилы вместо старых обычаев бражничества, испокон веков существовавших в провинциях Российской империи, ввели новый, довольно любопытный обычай. Мецане собираются по трое и распиивают штоф браги на вольном воздухе, на глазах у городской думы. «Губернский старожил».

Многие юные отроки как в провинциях, так и в столицах, укупивши модные сейчас граммофоны, спешат похвастать их звучанием. Сии звуковые машины они выставляют в открытые окна и включают на полную мощь. Таким образом, иногда менуэт сливается с мазуркой, отчего в эмпиреях происходит какофония, а в ушах юлины и режь. Однако городская управа не может обуздать этих «Орфеев». «Юности честное зеркало».

КОНОТОП. Забавный случай произошел здесь с поручиком Кобылиным. Прибывши с подорожной в Конотоп, поручик решил остановиться на постоялом дворе «Континенталь», однако получил «атанде». «Мест нет», — изрек администратор «Континенталья». Когда же поручик Кобылин приглубил администратора парю «Красенных лебедей» (двадцаткою), то получил отдельный кабинет, где и проживает с цыганами по сей день. «Губернский доброжелатель».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. По просьбе публики, среди которой большинство было дам, известный модельер мосье Хлыст дал прогноз дамской моды через сто лет. Мосье Хлыст утверждал, что женщины будут носить парики, ходить на подошвах толщиной с дышло и в портах или в юбках, изпод которых будут видны исподники. Мосье Хлыст с негодованием был осмеян публикой и назван шарлатаном, бесплодным мечтателем и пошляком. «Дамский мыслитель».

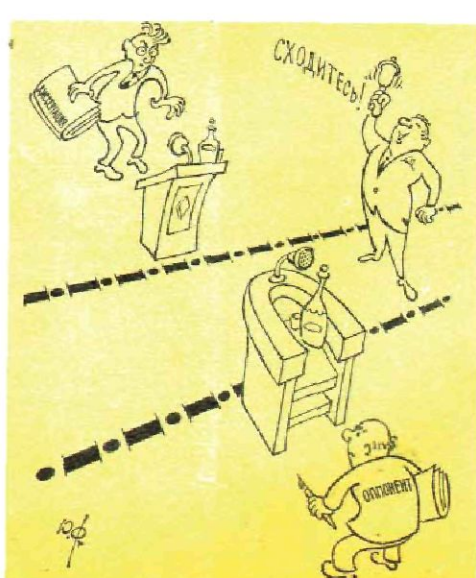

РОСТОВ-ВЕЛИКИЙ. Здесь известный потешник, трактирщик господин Ермолия затейливой вязью на стене своего заведения učinил надпись: «Приносить и распивать брагу строго возбраняется!» Этим он настолько рассмешил местных обывателей, что те ежедневно ходят взирать и потешаться над оной причудой и, конечно, со своей брагою. «Губернский пересмешник».

ФАРШ и КАЧЕСТВО

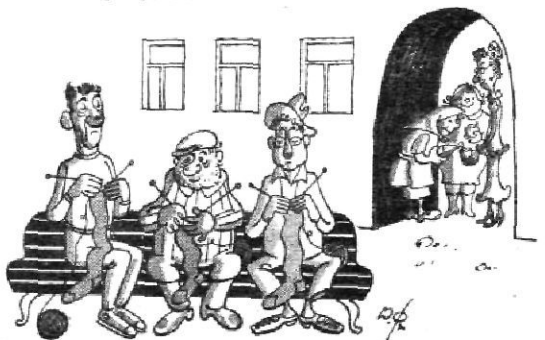

— Если кто-нибудь принесет такой же, оставьте для меня!

Современная дуэль

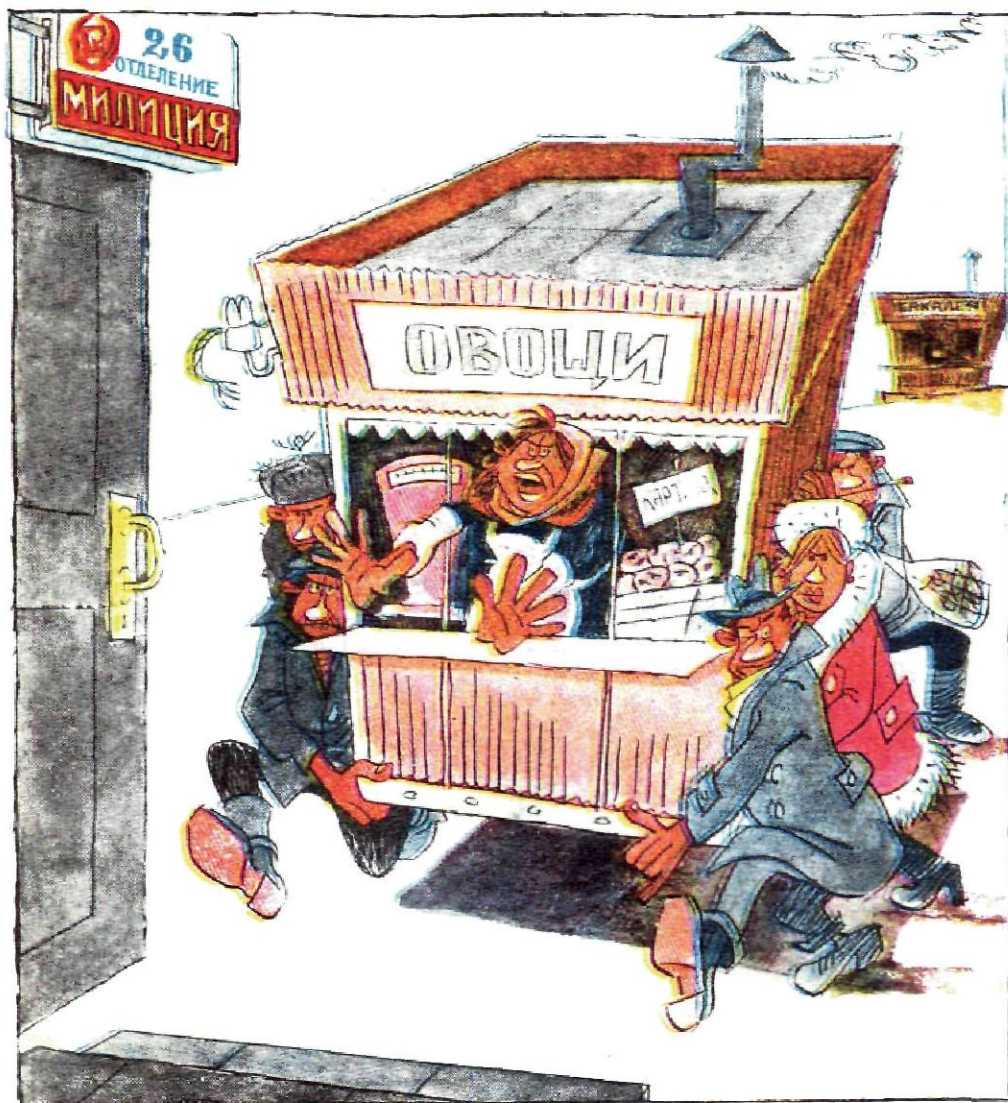
Что напутал художник на этом рисунке?

— Судя по следу, это крупный хищник!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

12 — Голубчики, больше не буду обвешивать!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Кондрат УБИЛАВА,
специальный корреспондент
Крокодила

Клад горы ходжали

Вороватый лучик фонарика рассек черноту кавказской ночи. Звякнуло о камень железо. Послышалось нагужное пыхтенье. На горе Ходжали творилось нечто явно таинственное... А днем досужий наблюдатель обнаружил бы несколько глубоких ям, испещривших лик горы, как гигантская оспа. А также сильно уставшего, небритого мужчину. Если бы досужий наблюдатель был близок к милийским кругам, то без труда опознал бы в осквернителе горного ландшафта Арнольда Гозоберидзе — принципиального противника общественно полезного труда. Но досужий наблюдатель — дедушка, пасший козочку, — не был близок к этим кругам. И удивился:

— Что, генцавале, хочешь сад развесть, да?

Землекоп с готовностью закивал головой. Но нагло врал враг общественно полезного труда. Сажать сады его не заставил бы и весь пленум Верховного суда Грузии...

Арнольда подвела жадность и полное отсутствие культурного багажа. Массу электрических батареек сжег он, ковыряя лопатой гору, заработал острую дистрофию, боязнь открытого пространства и нетрудовые мозоли на руках и ногах.

Ах, легковверен был Арнольд! Как-то в хинкальной города Ткварчели услышал он обрывок разговора двух шахтеров. По всему получалось, будто в горе Ходжали кто-то козда-то зачем-то зарыл клад. Кругленькую сумму: шесть миллионов рублей! Их-то и пытался тайком откопать бедовый Арнольд.

Обладая он хоть минимальным интеллектом, собрал бы информацию и без труда узнал: да, эта сумма таится в недрах горы. Но рыть до нее надо по крайней мере метров четыреста, что при его отвращении к общественно полезному труду все равно обречено на провал.

Но спросим себя: кто же и зачем запихал такую уйму денег да на такую глубину, лишие покоя тунейдца?

Если бы Арнольд вдруг докопался до цели, то попал бы в шахту № 8 производственного угольного объединения «Ткварчели». Ну, не совсем в саму шахту, а в некий подземный зал. Но неуютно по-

казалось бы там: запустение и тлен, плесень и нахальное шурианье крыс. Выйти на свет божий кладоискатель мог бы только тем путем, коим проник. Ибо ворота из зала наглухо заперты. По этой причине не смог бы Гозоберидзе украсть два электроагрегата мощностью по 17,5 тысячи киловатт, а равно и другое ценное оборудование. Ибо все это и есть клад, разжегший алчность неудачливого искателя сокровищ.

Электрический клад под названием Гализга-ГЭС и целой в шесть миллионов рублей запихали в грудь горы вполне солидные организации. Еще много лет назад институт «Грузгипрошахт» задумал удивить всех и вся. Создать диковинку — подземную гидроэлектростанцию! Берез реку Гализгу, придумали проектанты, пускаем ее по тоннелю в шахту. Там водичка, накрутив тока, сколько надо для ударного шахтерского труда, спокойно вытекает вон из горы по другому тоннелю. Все-го и делов!

Идея казалась заманчивой, хоть и вышло, что подземный ток будет стоить семь с половиной миллионов, а сама шахта — двадцать пять с половиной.

И начали зарывать миллионы в гору. С 1960 года. По полмиллиончика в год.

Много воды утекло в Гализге безо всякой электрической пользы. Немало появилось воды и под землей — этого геологи из «Грузугле-разведки» и проектанты вообще не ожидали. Да тут еще удружили некие расторопные умельцы со своим «рацпредложением». Зачем, мол, укреплять водоотводный тоннель бетоном? Дешевле же не укреплять — и так сойдет. За внедрение этого абсурда четверо «новаторов» унесли из кассы по 1200 рублей да еще трою — по 600 рублей — за содействие внедрению абсурда. Пока вспрыскивали премия, пятикилометровый тоннель тихо обвалился. Как бы его и не было вовсе. Правда, попутно там образовалась могилка еще для кладика: в виде разных хитрых железок — около 40 тонн, рельсов — 240 тонн, шпал — 176 кубометров и других деревяшек — 30 кубометров. Говорят, «рационализаторы» размахнулись

было подать новое предложение, как теперь откопать добро, да, видно, совесть в конце концов пробудилась...

Все это, конечно, до сего дня задерживало и оттягивало волнующе-радостный момент перерезания красной шелковой ленточки перед вручением подземного рубильника.

Былые восторги — будет у нас подземное чудо! — давно уж сменялись унылыми сомнениями — а нужно ли нам такое чудо? Чтобы его достроить, сколько еще миллионов надо спустить под землю? Наверное, поэтому от кварцевельского уникума, погребенного под горой Ходжали, востро открещиваются, как монах от лукавого, союзные Министерство энергетики и электрификации и Министерство угольной промышленности.

Как-то незаметно, под убояющую журчание реки Гализги объект, которым собирались поразить мир, исчез из всех планов...

Редко-редко группки ответственных товарищей со скрежетом отпрут ржавый замок, тревожа крысиные семя. Войдут в помещение несостоявшегося чуда. Поцокают досадливо языками. А что скажешь? С одной стороны, жалко труда и денег. С другой — все же какой был замач!

И так, поцокивая языками, запрут снова ворота и разойдутся по-тихому. Спите спокойно, шесть миллионов! Память о вас навсегда сохранится в наших сердцах...

г. Ткварчели,
Грузинской ССР.

Прежде чем предать гласности вышеописанную историю, Крокодил долго перебирал в памяти меры воздействия, которые можно было бы применить к нерадивым хозяйственникам, то есть к бесхозяйственникам:

пригвоздить к позорному столбу;
вынести на суд общественности;
сделать крокодильское внушение;

вставить фитиль и т. д. и т. п.

Но поскольку Крокодил опасался, что вирус бесхозяйственности подобно злокачественному вирусу гриппа успел приспособиться к подобным инъекциям, он решил испытать еще одно сатирическое средство: публичную постановку провинившихся в угол.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Первыми в этот угол препровождаются виновники захоронения миллионов в горе Ходжали.

Работаю я в штамповочном цехе. Делаю миниатюрные детали и машинам. За пять лет так наловчился — даже друзья завидуют. С закрытыми глазами могу норму на сто процентов выполнить. А с открытыми всегда даю сто тринадцать. Меня в цеху так даже и прозвали: Мансим Сто, Тринадцатый.

А однажды сам директор завода подошел к станку, посмотрел, как я работаю, да только восхищенно и качнул головой: вот, мол, клас!

В этот день я, как обычно, пришел в цех, включил станок — и давай щелкать! Рядом — мои соседи по участку, Михаил и Трифон — неплохие ребята, только пока еще до ста тринадцати процентов редко дотягивают. Но это дело поправимое — старательные парни, научатся...

Вдруг хлопает меня по плечу. Обращиваюсь — Трифон.

— Тебя, — кричит, — и директору! Вызывают! Срочно!

Директор так просто не вызывает, это я понимаю. Тут же выключаю станок — и бегом в административный корпус. Отдыхался перед директорской дверью и прямым ходом в кабинет. А там — начальники цехов, смен, мастера...

— По вашему вызову явился! — отрапортовал я директору.

— Что?! — спросил удивленно директор, снимая с носа очки. — По моему вызову?

— По вашему, — немного растерялся я. — По срочному...

Григорий ЛУЧ Спасибо первому апреля

— Я вас не вызывал, — рассердился директор. — Похоже, и меня в эти самые первоапрельские шуточки втянули... Возвращайтесь на свое рабочее место... Впрочем, постойте, вы, кажется, из штамповочного? Мансим Сто Тринадцатый? Молодец, Мансим, здорово работаете! Послушайте, — обратился он к начальнику нашего цеха, — а почему его фамилии нет в этом списке? Что, провинился в чем Сто Тринадцатый?

— М-м... не то чтобы провинился, — замаялся начальник цеха, — но вот от общественной работы отказывается...

— Неправда! — не стерпел я. — Один раз, правда, отказался от коллективной поездки за город. Домой спешил. Жене во вторую смену нужно было идти, а малышку не с кем дома оставить... Из-за этого, наверное, профком до сих пор мое заявление на детсад не рассматривает...

— Гм... Ну ладно, идите, — сказал директор.

В цех я вернулся таким злым — глаза бы на друзей не смотрели. А они знай похихатывают: как же, ра-

зыграли! Ладно, включил я станок... Со злости, наверное, уже за сто тринадцатый рубез перешел, а тут опять кто-то — хлоп меня по плечу. Оборачиваюсь — машинистка из завкома.

— В обеденный перерыв, — кричит, — в завком тебя приглашают! Обязательно!

Ну, думаю, хватит с меня первоапрельских шуток! Мишку вон или Трифона теперь разыгрывайте. Однако в обеденный перерыв друзья заверили меня, что уж в данном случае они ни при чем, и посоветовали все же сходить в завком. Мало ли чего...

И что вы думаете? Снольно до этого я ни ходил туда, ничего, кроме обещаний устроить мальчика в детсад, не получал. А тут... Одним словом, вышел я на этот раз из кабинета председателя с заветным направлением.

Ну, конечно, настроение — сами понимаете. Не дожидаясь конца обеденного перерыва, включил станок. На радостях к концу смены двести тринадцать процентов дал! Только слышу, Мишка с Трифоном кричат:

— Да заругайся ты! Смена-то уже кончилась! Слушай, что по заводскому радио говорят.

— ...ежедневно сто тринадцать процентов, — выключив станок, услышал я окончание фразы. — По итогам квартала присудить первую премию...

А вы говорите — первый апрель, никому не верь!

Перевел с чувашского
А. ФИНЬКО.

Скромная справка о юбиляре

Стыршел

«Стыршелу» стукнуло 30 лет. Сатирики — народ скромный, но уважающий истину. А истина заключается в том, что наш журнал дал стране самых лучших писателей современной болгарской литературы, самых лучших поэтов, самых хороших юмористов и сатириков, самых выдающихся современных художников-карикатуристов.

Можно также скромно отметить, что «Стыршел» организовал тринадцать национальных выставок карикатуры, десять международных таких выставок, одну всеболгарскую конференцию по вопросам юмора и сатиры. Под олекой «Стыршела» были проведены первый и все остальные фестивали юмора и сатиры в Габрове, который в результате этого превратился в столицу юмора и сатиры.

Не следует забывать, что каждый год около 200 произведений болгарских сатириков и юмористов переводятся более чем на 20 иностранных языков.

«Стыршел» — отец единственного у нас сатирического театра, который называется СТС, то есть сатирический театр «Стыршела».

Не будет также нескромным упомянуть хотя бы в нескольких словах о том, что «Стыршел» был и остается самым талантливым, самым хорошим, самым читаемым (тираж 280 тысяч при 700 тысячах желающих подписаться) среди всех прочих юмористических изданий, выходящих в Болгарии.

Главный редактор журнала «Стыршел», лауреат премии «Крокодила» Христо ПЕЛИТЕВ.

Димитр ПЕТРОВ

Самокритика

Думаю я иногда, когда сижу на каком-нибудь совещании, стою в очереди или моюсь в бане: «А почему бы, например, не перестать нам самим себя и других критиковать?» Чем больше думаю, тем больше мне эта мысль нравится. Простенько, но, как говорится, со вкусом. Перестаем мы, значит, себя и других критиковать и начинаем, наоборот, хвалить. Каково, а? По-моему, очень интересная мысль. Подчиненные, скажем, хвалят своих начальников. Хвалят так красиво, искренне, со слезой в голосе. А начальники, в свою очередь, превозносят до небес подчиненных и представляют их к наградам.

Ах, какая искренняя дружба воцарилась бы повсюду, сколько нервов сберегли бы мы, сколько аппаратов для измерения кровяного давления можно было бы выкинуть за ненадобностью!

Но вот ведь, как всегда, найдется какой-нибудь мизантроп, который встанет после продолжительных рукоплесканий и сразу испортит всем настроение, сказав, что доклад директора приукрашивает действительность, что нет в нем самокритики, что руководство не прислушивается к советам низовых работников...

Должен признаться, что я и сам, и сожалению, такой. Сколько раз говорил я себе: ну, зачем, зачем огорчать людей? И все равно время от времени срываюсь.

Валентин ПОПОВ

ПОПУТЧИК

— Журналист, — буркнул я, всем видом показывая, что не намерен вступать в беседу.

— Гм... Не люблю я вашего брата, — откровенно признался попутчик. — Пишете всякую ерунду: тот выполнил план, тот не выполнил. Сколько выколачиваете?

— Что выколачиваете?

— Ишь, интеллигент, разговорного языка не понимает! Не придуривайся, я спрашиваю, сколько огребаешь в месяц?

— Двести с лишним левов, не считая гонорара, — не без гордости сказал я, надеясь поставить нахального попутчика на место.

Но он лишь громко засмеялся:

— Двести с лишним! Ну, уморил! Без гонорара, говоришь? Даже слушать неудобно. Я, брат, раз в десять более того имею. Кроликовод я. Кроликов развожу у себя на даче. Некоторые свиньями, молочком, курочками занимаются, а я, брат, по кроли-

Митко ПЕТРОВ

Генчо СИМЕОНОВ

Синеглазая.

Материалы из «СТЫРШЕЛА» перевел Г. КОФМАН.

КРОКОДИЛ

№ 10 (2164)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Журнал
Выходит
ТРИ РАЗА
В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Вайсборд, В. Гинюков, Л. Горохов, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, Г. и В. Каравановы, В. Мохов, В. Степанов (г. Рязань), Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)

И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9/III 1976 г.
А 00892. Подписано к печати 19/III 1976 г. Формат бумаги 70x108 $\frac{1}{2}$. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 693 500). Изд. № 769. Заказ № 1957.

© Издательство «Правда», «Крокодил», 1976 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— У нас общество управляется не людьми, а законами, — чванливо изрекают пропагандисты «свободного мира» и надменно ухмыляются, выложив этот свой излюбленный аргумент.

Ах, конечно, законы!.. Ах, разумеется, законность!.. Как, это! «Закон есть закон», «закон превыше всего», «перед законом все равны» и так далее в том же духе. На эти прописные истины, понятно, и намекают атлантические проповедники.

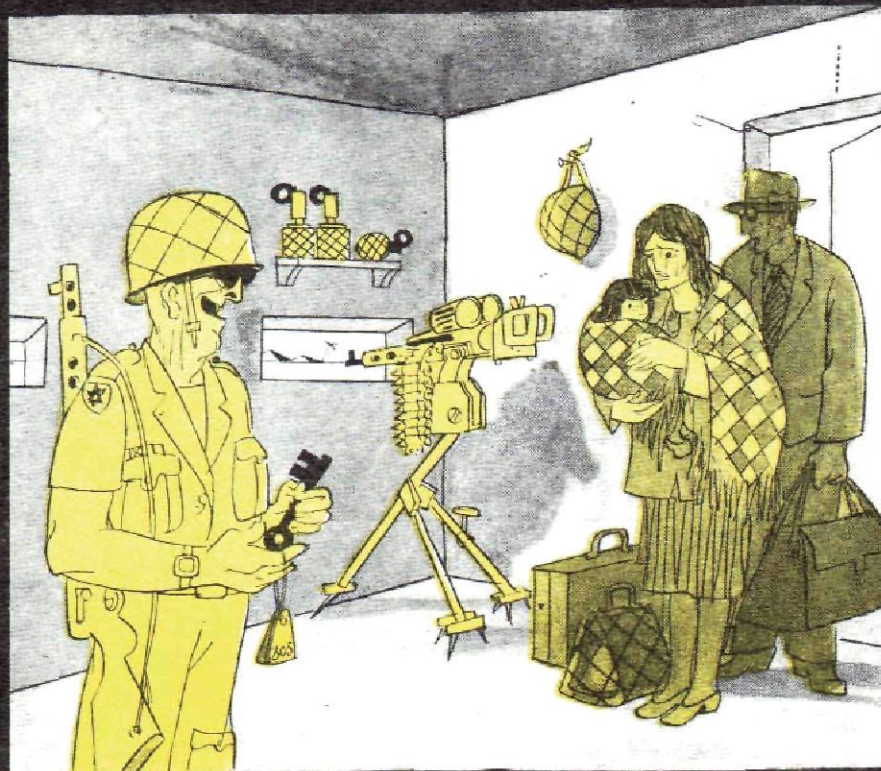
Но тогда почему они стыдливо умолкают, едва речь заходит о Чили! Не потому ли, что там простые гражданские и человеческие права, элементарные конституционные нормы нагло и бесцеремонно попораны фашистской хунтой! Беззаконной и внезаконной, кстати, уже с первого дня ее воцарения...

Отчего они не ссылаются на официальные рескрипты израильских властей, опоясывающих захваченные у арабов земли цепью военизированных поселений! Не оттого ли, что поселения эти — явно незаконные точки на очевидно незаконной карте!

Как понять, что, разглаговльствуя о всевластии закона, апологеты «свободного мира» конфузятся упоминуть о многолетней неискоренимой практике Федерального бюро расследований, вознамерившегося, кажется, собрать отпечатки пальцев со всей Америки, включая койотов, опоссумов и медведей гризли! Не тем ли объясняется конфуз, что с юридической точки зрения брать отпечатки пальцев у невинного — верх беззакония! И что, стало быть, вся эта изуцкая практика насвозь противозаконна!

А ведь это только три примера из десятков и сотен.

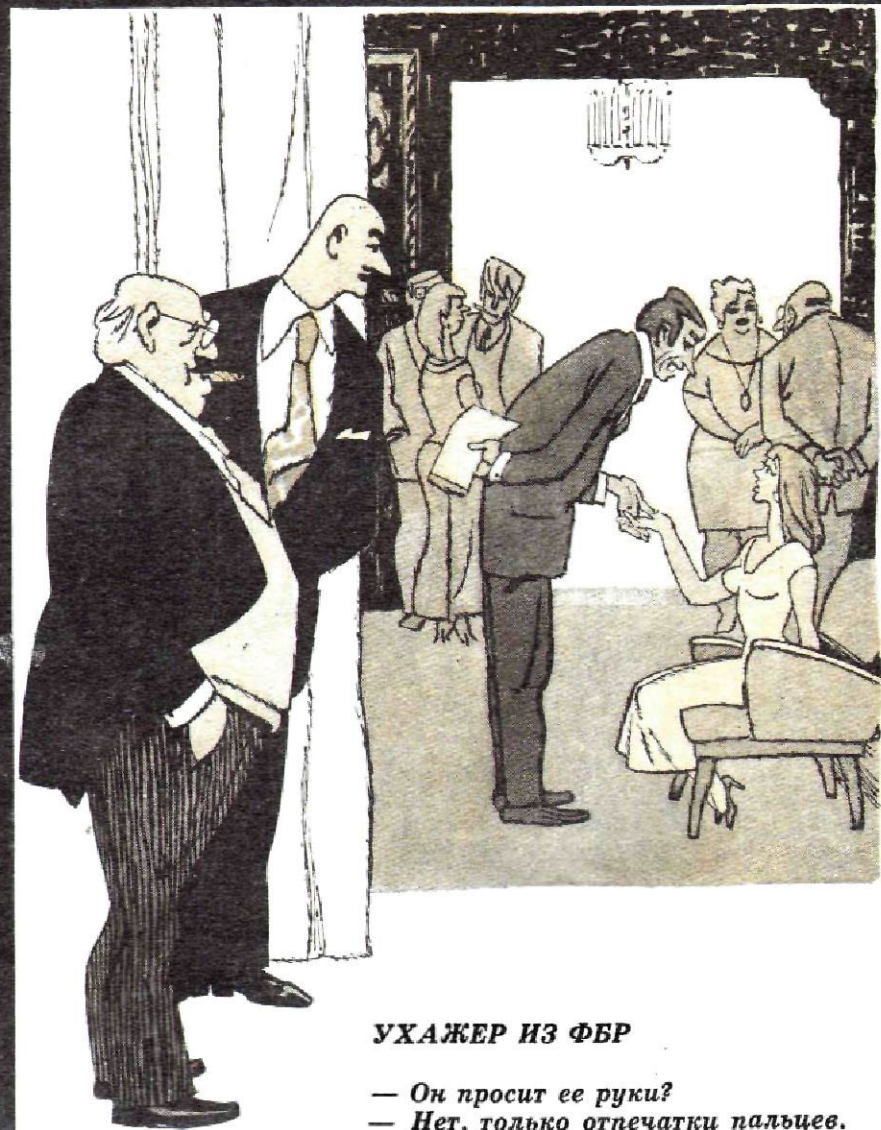
«Общество, управляемое законами...» — бубнят наемные атлантические витии. Допустим. Но, господа, не слишком ли много исключений!

ЧЕРНАЯ НОЧЬ НАД ЧИЛИ *Рисунок М. АБРАМОВА*

— Не понимаю, что вам еще надо? Благоустроенная квартира, прекрасный вид из окна... *Рисунок В. ГИЛУКОВА и Л. ГОРОХОВА*

УХАЖЕР ИЗ ФБР

— Он просит ее руки?
— Нет, только отпечатки пальцев.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА